

СТЯАКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ТОРГОВЦА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон торговца

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон торговца / Д. О. Силлов — «АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-107958-1

Снайпер был сталкером, а стал торговцем. И закон у него теперь соответствующий – прибыль превыше всего. Живи спокойно, делай свой бизнес, забудь о прошлом, полном смертельных опасностей и головокружительных приключений... Но что делать торговцу, когда ему предлагают простую сделку: убить старого врага и тем самым купить жизни своих друзей? Казалось бы, выбор очевиден. Если, конечно, твой враг однажды не встанет рядом с тобою для того, чтобы сражаться плечом к плечу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107958-1

© Силлов Д. О., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Силлов

Закон торговца

© Д. О. Силлов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

***

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого

СТАЛКЕР. Закон Зоны

КРЕМЛЬ 2222. Юг

СТАЛКЕР. Закон стрелка

СТАЛКЕР. Закон шрама

КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад

КРЕМЛЬ 2222. Север

КРЕМЛЬ 2222. МКАД

КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон дракона

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Счастье для всех

РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет

КРЕМЛЬ 2222. Петербург

КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево

СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»

СТАЛКЕР. Закон Призрака

СТАЛКЕР. Закон клыка

СТАЛКЕР. Закон долга

СТАЛКЕР. Закон свободы

СТАЛКЕР. Закон монолита

ГАДЖЕТ. Чужая Москва

СТАЛКЕР. Закон сталкера

СТАЛКЕР. Закон торговца

***

Автор искренне благодарит
Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ,
Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, а также
Алексея ИONOва, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «ГАДЖЕТ», «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;
Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по чернойбыльской Зоне отчуждения за ценные советы;
Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;
Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;
Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина и Алексея Загребельного за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»; а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Пролог

Это было страшно. Очень страшно. До дрожи в коленях, на которые хотелось упасть, согнуться в три погибели, уткнувшись лбом в растрескавшийся бетонный пол, и выть от ужаса. Как животное, чувствующее каждой клеточкой своего тела приближение... не смерти, нет. Боли. Настолько нестерпимой, по сравнению с которой смерть – это милосердие, избавление от страданий, выход из пыточной безумного садиста, откуда и последнее путешествие вперед ногами есть высшее счастье.

Большинство фанатиков и упали, скрючившись на полу и корчась в конвульсиях. Но двое или трое стояли, уперев в пол приклады своих автоматов, держась за стволы, навалившись на них всем весом. По лицам смельчаков градом тек пот, их тела била крупная дрожь, но они смотрели. Потому что истинный, настоящий страх почти всегда прекрасен настолько, что от него трудно оторвать взгляд.

Повелитель «мусорщиков» эффектно смотрелся на фоне сверкающего Монуумента. Из темно-зеленого чешуйчатого тела росли двенадцать толстых и очень длинных щупалец, блестящих от слизи. На груди шевелился глаз, белок которого был покрыт сплошной сеткой кроваво-красных прожилок, а в середине, словно отверстие от крупнокалиберной пули, зиял черный зрачок без радужки. Сразу под глазом находилась длинная, узкая пасть без намека на губы, похожая на ножевую рану. На плечах же, там, где должна была быть голова, торчал смахивающий на пень обрубок, усеянный черными шариками неподвижных паучьих глаз. Такой же, как у «мусорщиков», тварей из иной реальности, которых многие сталкеры считали Хозяевами Зоны. Теперь же было понятно, что и у Хозяев есть свой Повелитель.

Но не только ужасный вид монстра так напугал фанатиков Монуумента. Гораздо страшнее было незримое ментальное давление, исходящее от Повелителя. Оно выворачивало душу наизнанку, подавляло, заставляло почувствовать себя песчинкой перед мощью чужого разума, в десятки раз превосходящего человеческий. Да, «монуументовцы», измененные Зоной и своей святыней, не вполне были людьми. Но и мутантам ведом страх – особенно если этот страх навязан извне, да так, что не было никаких сил сопротивляться его всесокрушающей силе.

Главарь «монуументовцев» стоял на коленях, как и большинство членов его группировки. Но он всё-таки нашел в себе силы разогнуть спину, когда понял, чего хочет истинный Хозяин Зоны.

«Мне! Нужен!! Снайпер!!!» – ревело в головах всех фанатиков. И Перевозчик решился. Не просто ответить согласием, но и попросить.

«Дай нам силы, Повелитель, – послал он робкую мысль. – Дай нам силы, и мы принесем тебе голову того, кого ты ищешь...»

Главарь «монуументовцев» был почти уверен, что сейчас его голову просто разорвет ментальным ударом прогневавшегося божества. Но в то же время он понимал – жалкие остатки его группировки не смогут выполнить это задание. Недавно он узнал, что Снайпер, тот, за кем охотилась вся Зона, а по слухам, и многие другие вооруженные группировки в иных мирах, не простой сталкер.

Перевозчик и раньше слышал о Меченосцах, представителях древнего клана борцов со всякой нечистью, обладающих колоссальным запасом личной удачи, а также способностью ускорять личное время, стрелять без промаха и мастерски рубиться практически любым холодным оружием. До этого главарь «монуументовцев» считал всё это сказками. Но с удивлением обнаружив, что убить Снайпера не получается ни у кого, сопоставил факты – и понял, что иногда легенды могут быть самой настоящей правдой.

Поэтому сейчас он просил, рискуя жизнью – и понимая, что без помощи Повелителя выполнить его задание просто нереально.

Похоже, это понял и выходец из иномирья.

Прошла секунда, показавшаяся Перевозчику вечностью... Внезапно он почувствовал, что давление внутри головы ослабло, а потом и вовсе исчезло.

«Ты обретишь то, о чем просишь, – прошелестело в голове Перевозчика. – Но если до восхода новой Луны ты не принесешь мне голову Снайпера...»

– Я принесу! – с жаром прохрипел главарь «монументовцев». – Клянусь, Хозяин Зоны, ты получишь ее! Только дай нам частичку твоей силы...

«Получите», – пришла короткая, равнодушная мысль.

Черные, склизкие щупальца взметнулись вверх, словно гигантские хлысты...

И ударили. Каждое – в грудь, чуть ниже горла. Каждому, кто стоял или валялся, скорчившись возле Монумента. Неважно как. Через одежду. Через броню экзоскелетов. Через автоматы, случайно попавшиеся на пути. Через руки, прижатые к телу. Для инопланетной плоти чудовищного монстра не было преград в этом мире.

Затрещали кости. Заскрипели пробитые бронепластины. Посыпались на бетон обломки двух автоматов... А в следующее мгновение двенадцать тел, нанизанных на щупальца, поднялись над полом и повисли в воздухе, беспомощно дергая конечностями.

Это было безумно больно. Перевозчик чувствовал, что умирает, что его изуродованное Зоной тело трясется в агонии... Он даже успел порадоваться, что еще немного, и сейчас всё закончится, потому что с такой дырой в груди не выживет никто – ни человек, ни мутант, ни даже «монументовец», всю жизнь посвятивший служению самой могущественной аномалии Зоны...

Но оказалось, что радовался он преждевременно.

Смертный мрак уже затягивал его сознание, и без того практически убитое болью, как вдруг в этом мраке появилась белесая точка. Она росла, увеличивалась в объеме, превращаясь в комок слизи с рваными краями, напоминающий амебу с вяло шевелящимися ложноножками. Миг – и бесформенное нечто заслонило собой и Монумент, и кошмарное чешуйчатое существо, замершее на его фоне в величественно-ужасной позе...

Но в следующее мгновение Перевозчик понял, что не сквозь слизь смотрит он на окружающий мир. Это был новый взгляд другого существа. Но в то же время – его взгляд. В нем кое-что осталось от старого Перевозчика, главаря группировки «монументовцев». Но и появилось много нового.

Например, другой взгляд, гораздо более информативный, чем прежде. Теперь глядя на нескольких членов своей группировки, тех, кого не пронзили щупальца Хозяина Зоны, тех, кто остался стоять, опираясь на свои автоматы, Перевозчик уже знал всё о температуре их тел, уровне выброса адреналина в кровь, неизбежных болезнях, которые поселяются во внутренних органах и костях каждого, кто много ходит по зараженным землям... И об их питательной ценности. О том, на сколько хватит мяса, если забить хомо прямо сейчас и есть понемногу, ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы жить и убивать во славу Хозяина Зоны.

Было еще множество других ощущений, в которых Перевозчик пока не разобрался. Да и сложно что-то понять, когда ты висишь в метре от пола, пронзенный щупальцем Повелителя. И больше всего мешал этому восторг, переполнявший новое, переродившееся существо! Теперь оно ощущало себя одним целым с Хозяином! Видело его мысли как свои собственные, чувствовало то, что чувствовал он. Высшее счастье, которого никогда не давал Монумент, сколько бы его ни просили об этом его верные слуги.

Аналогичный восторг ощущал Перевозчик и у остальных своих бойцов, висящих на щупальцах нового бога. Их главарь «монументовцев» также ощущал как одно целое с самим собой и Хозяином Зоны! А возможно ли большее счастье для истинно верующего, чем чувствовать себя одним целым со своим божеством и братьями по вере?

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается. Синхронно вздрогнули щупальца, и двенадцать человеческих тел разом упали на пол. Человеческих ли? Теперь уж точно вряд ли...

«Верно думаешь, – прошелестело в голове Перевозчика. – Ты и твои люди получили то, что просили. А теперь...»

Разом ударили щупальца, и головы тех, кто стоял в ступоре, опершись о свои автоматы, слетели с плеч, словно ничем не закрепленные резиновые мячики. Вверх ударили фонтаны крови.

Перевозчик бросил равнодушный взгляд на обезглавленные трупы, безвольно оседающие вниз. Ему было все равно. Хозяин решил – значит, так нужно. Но всё-таки крохотная песчинка человеческого, оставшаяся от главаря «монументовцев», ворохнулась в уголке сознания робким «зачем?».

Перевозчик аж зажмурился, мигом поняв, что Хозяин услышал вопрос. Что ж, если еще одна голова сейчас упадет на бетонный пол, всё будет правильно, потому что бога можно просить, но нельзя задавать ему вопросов. Нужно просто верить и быть уверенным, что все его деяния правильны и справедливы...

Но Хозяин Зоны не стал наказывать своего нерадивого слугу и даже снизошел до ответа.

«Они не стояли на коленях, – тихо прошептал внутри Перевозчика равнодушный голос. – Слишком смелые. Слишком люди. А теперь иди и выполни то, что обещал».

– Да, Повелитель, – кивнул Перевозчик и направился к выходу из зала. Ему больше не нужно было голосом отдавать команды своим людям. Он и так знал что одиннадцать его бойцов сейчас идут за ним так, словно они были частями тела одного организма. Впрочем, так оно и было. Хозяин Зоны оставил им лишь воспоминания о прошлой жизни. Всё остальное было другим...

Правда, не дойдя до выхода несколько шагов, Перевозчик остановился и обернулся.

Хозяин Зоны уходил обратно в свой мир так же, как и пришел. Через зыбкий портал, колышущийся на фоне сверкающей аномалии. Казалось, что Хозяин уходит прямо в Монумент, и это было очень красиво. Особенно развевающийся подобно плащу шлейф щупалец за спиной нового бога.

– Наше желание исполнилось, – пробормотал про себя Перевозчик. – Так пусть всё старое останется здесь, в этом зале.

– О чем ты, господин? – подал голос тот из бойцов, что стоял ближе всех. – Мы пока лишь чувствуем твои желания, но не умеем читать мысли, если ты этого не захочешь.

Перевозчик усмехнулся.

– Я о новом, которое всегда есть не что иное, как хорошо забытое старое. Теперь, когда мы стали другими, самое время сменить наши имена.

– И как же нам теперь звать тебя, господин? – почтительно поинтересовался боец.

– Харон, – коротко ответил Перевозчик.

– Ну и чего ты тут накарябал?

Я оторвал взгляд от надписи, которую старательно выводил до того, пока над моей головой не раздался знакомый неприятный голос.

– А чего не так-то? – обернулся я.

Позади меня стоял легендарный торговец Зоны по прозвищу Жмотпетрович, заглядывая мне через плечо. Не, так-то тет-на-тет его все Петровичем звали. Жмотпетровичем же – за глаза, ибо больно уж прижимист он был. Но дело свое знал туго, оттого среди сталкерской братии пользовался большим уважением.

И вот жизнь сложилась так, что с сегодняшнего дня я на него работал. Кем? А фиг его знает. Подписчиком, что ли? Короче, свои романы подписывал, которые Жмотпетрович потом куда-то кому-то собрался продавать. Аж три штуки уже подмахнул, старательно выводя буквы

авторучкой, которую давным-давно отвык держать в руках. И вот, стало быть, нагрянула ревизия.

– Я тебе сейчас объясню, чего не так, – хмуро сказал торговец, беря одну из тех книг, которые я только что отметил своей дарственной надписью. – «Валерию Бутину от Снайпера с наилучшими пожеланиями». Ну офигеть. От какого такого Снайпера?

– Ну... от меня, – слегка обалдел я. После чего с ходу слегка разозлился, у меня это запросто: – Типа, позывной у меня такой, если ты забыл.

– Я-то не забыл, – хмыкнул Жмотпетрович, закрывая книгу. – На обложке видишь чего написано? Кто автор? Читать не разучился?

– Дмитрий Силлов, – негромко проговорил я, продолжая звереть. Еще немного, брошу авторучку в сытую физиономию работодателя, плюну на всё, да и уйду в Зону к чертям крысособачьим. Не было у меня сроду начальства, да и не надо. Еще мне не хватало выволочки от барыги выслушивать!

– Вот! – торговец наставительно поднял кверху толстый палец. – Так и пиши, как на обложке написано. А то что ж получается? Книгу писал Дмитрий Силлов, а подписывает Снайпер. Непорядок.

– Так то ж мой псевдоним... – попытался отбрехаться я, понимая, что по сути Петрович прав. И правда, неувязка получается.

– Понимаю, – покладисто кивнул торговец. – Но тут уж ничего не поделаешь. Назвался скромным псевдонимом, сила ты наша плюс ловкость, так им же и романы свои подписывай теперь. Нечего людей путать.

Я вздохнул.

Чего уж тут говорить, хреновый из меня бизнесмен. Не на то учился. Всю сознательную жизнь бил кого-то, стрелял, ножами резал, зубами рвал. И меня тоже били, ранили, убивали даже – и такое случалось. А на досуге, чтоб с ума не сойти от мыслей всяких, я эти свои приключения на КПК записывал. Потом так срослось, что в одной из вселенных Розы миров эти мои документальные записи отдельной книгой опубликовали. И понеслось. Один роман, второй, третий... Жмотпетрович говорит, что людям нравится, да и редактор, которого я никогда не видел, о том же на электронную почту пишет.

Ну и, короче, однажды сложилось так, что оказался я Петровичу должен. И вот теперь сижу, значит, долг отрабатываю. Романы свои подписываю, м-да...

– Короче, три книги ты запорол, – подытожил торговец. – Не прими в ущерб, но цену за испорченные экземпляры я из твоей зарплаты вычту. А теперь давай-ка всё заново по списку, да смотри не забывай, что в твоём псевдониме двойное «л» пишется, а то некоторые ошибаются. Правда, таких всё меньше и меньше становится. Узнаваемый псевдоним получился, запоминающийся. Для нашего торгового дела самое то, что надо.

Однако осознав, что я вот-вот взорвусь, торговец немного подсластил пилюлю.

– Я тут с издательством связался, которое тебя печатает, поговорил, типа я твой литературный агент. Конкретно побеседовал. После чего они мне на счет деньги перевели за твои книги. Так что жди. Через пару дней обналичу сумму – и будет тебе дополнительный стимул для работы.

И ушел. А я, отложив «запоротые» книги в сторону, принялся подписывать экземпляры так, как надо. С двумя запоминающимися «л». А еще именную печать прикладывать к подписи, типа, как объяснил Петрович, защита от подделок. Прямо, блин, не я, а бренд фирменный. Ходячий торговый знак, а не обычный сталкер. Опасное это дело, оказывается, – писательство. Не успеешь оглянуться, а тебя уже оформили, упаковали и продают всюю, словно мозги руконога, тушенные с луком в соусе хе. Офигеть не встать...

Но ворчи не ворчи, а работать надо. Деньги нужны. И много. Потому что два друга моих убиты, а оживить их стоит очень дорого. У меня во внутреннем кармане лежали кусочек шкуры

Рудика и крохотная стеклянная пробирка с кровью Виктора Савельева, которую я вынул из рукояти меча, сдав раритетное оружие на хранение Петровичу. Генетический материал, на основе которого можно было бы оживить моих друзей. Правда, стоит такое удовольствие просто безумных денег. Вот и работал я словно проклятый, до одеревеневших пальцев и ряби в глазах от собственных автографов. Много было заказов у Петровича, только успевай подписывать да печати шлепать.

Правда, отпахав восемь часов на торговца, отдыхал я тоже нехило.

В подвале бункера Жмотпетровича после работы ждали меня отдельная комната отдыха, сауна, бассейн, домашний кинотеатр, жратва и выпивка, какую и на Большой земле не сразу найдешь – если, конечно, живешь ты не в Москве или Питере, где при желании можно купить даже мозги руконого, проживающего в соседней вселенной.

Ну и, конечно, Рут. Красавица каких поискать, влюбленная в меня по самые кончики маленьких прелестных ушек. Когда-то давно она была маленькой самочкой нео, которую я пронес через черное Поле смерти, отчего она превратилась в безумно красивую девушку. С которой у меня в подzemелье торговца несколько дней назад неожиданно произошла душе-раздирающе-сопливая встреча в духе слезливых женских романов. И – чего уж скрывать – не последней причиной того, что я остался работать на Петровича, были роскошные формы, длинные волосы и большие влюбленные глаза Рут.

Шастая по разным вселенным, оказывается, безумно соскучился я по женскому теплу и ласке. Живой я человек или где? Тело и душа требовали отдыха... И теперь я оттягивался по полной в объятиях Рут, наслаждаясь жизнью после непыльной работы.

Так прошло четыре дня.

А на пятый произошло вот что.

Я уже часа три ишачил за столом, усиленно работая авторучкой и ощущая, как задница потихоньку теряет чувствительность от долгого сидения на жестковатом стуле. Развести, что ли, Петровича на кресло с анатомической спинкой и мягкими подлокотниками? Пусть раскошеливается, обеспечивает ценному работнику достойные условия труда. А то как тут работать, когда стол буквально завален товаром? Помимо стопок моих книг два дешевых артефакта валяются, мелочь какая-то, пачка однодолларовых купюр, старый пистолет Макарова без магазина. Стакеры натаскали всякого дерьма, Петрович со стола не успел убрать, и меня за него засадил работать, мол, быстрее надо, заказы горят. Я со стола щас уберу, ты, главное, пиши. И исчез где-то в закромах своего склада. Короче, никаких условий для работы.

Тут еще на край стола Лютый запрыгнул. Это мой друг. Мутант-каракал, умеющий читать мысли и скалиться от уха до уха на манер Чеширского кота, обнажая при этом длиннющие клыки.

Кстати, я давно заметил, что с мутантами у меня дружить получается лучше, чем с людьми. Может, потому, что я сам немного мутант, как считают многие? Хотя нет, многие считают что не немного, а по самые не балуйся. Мол, не человек Снайпер, а самый настоящий мут, обладающий нереальным запасом личной удачи, умеющий стрелять как Робин Гуд, ускорять личное время и – ну да, оказывается, еще и романы писать. И подписывать...

Почесал я Лютого за ухом и хлопнул по спине – мол, иди, гуляй, осваивайся в Зоне. А то еще работодатель увидит, что я со своим мутантом играюсь, опять нудеть начнет. Лютый возражать не стал, лизнул меня по-собачьи в щеку и смылся. Это он умеет, в любую щель пролезет.

И вовремя смылся, кстати.

Сзади слышались шаги. По ходу, Жмотпетрович новую стопку книг тащит, а у меня уже не только задница, но и пальцы, до мозолей натертые авторучкой, скоро начнут отваливаться.

Хотел я сказать торговцу всё, что о нем думаю, и даже уже почти развернулся... как вдруг неожиданно для меня моя рука рефлекторно метнулась к поясу, выдернула из ножен «Бритву», нож мой, способный равно рассекать и глотки, и границы между мирами. Так всегда бывает, когда я спиной чувствую приближающуюся опасность, тело само реагирует, раньше сознания.

Однако на это раз боевые рефлексы не помогли.

– Сиди как сидишь, сталкер, – скучно сказал Жмотпетрович, направляя на меня ствол охотничьего ружья двенадцатого калибра, на расстоянии в несколько метров оружия ужасного по своей убойно-разрушительной силе. – И нож свой засунь-ка обратно в ножны от греха подальше. А потом отстегни их от пояса и брось подальше в угол.

Признаться, не люблю я, когда на меня направляют различное огнестрельное оружие. Некомфортно я себя чувствую под прицелом. Поэтому даже в такой вот невыгодной для себя ситуации вполне могу метнуть нож в стрелка, одновременно уходя с линии выстрела, а дальше уж как Зона вывезет...

Но – не метнул. И не потому, что, в отличие от стрельбы, ножи я в цель швыряю неважно. Просто в глубине склада хлопнула дверь, и из полумрака подземелья на свет вышла Рут. Как всегда прекрасная, словно валькирия, сбежавшая из древнего скандинавского сказания.

Только сейчас ее большие, выразительные глаза были заплаканными. А сочные губы – искусанными до крови. Плюс ко всему в слегка трясущейся правой руке девушка держала пистолет, ствол которого также был направлен на меня.

Интересно, что бы это всё значило? Понятное дело, про поговорку «от любви до ненависти один шаг» каждый знает. Как и про то, что хорошее отношение твоего работодателя в любой момент может смениться на прямо противоположное. Но с чего такая резкая перемена?

– Вы что, дорогие и уважаемые, съели чего несвежего? – поинтересовался я. – Или просто синхронно сбесились от долгого сидения под землей? При этом доложу вам, что ни первое, ни второе не есть повод направлять оружие на живого и ни в чем не повинного человека.

– Не человек ты, а сволочь распоследняя, – надтреснутым, хриплым от слез голосом проговорила Рут. – Мне Петрович сказал, что ты не меня, а другую любишь. Со мной спишь, а сохнешь по какой-то твари, отреставрированной «фотошопом»! Это ради нее ты во вселенной Кремля жизнью рисковал! И Монумент восстановил только для того, чтобы воскресить какого-то мутанта-переростка, которого она любит! Она по нему сохнет, а ты за ней волочишься, как тряпка, прицепившаяся к каблуку. Тоже мне, легенда Зоны! Тьфу!

... Ну, это давно известно, что обиженные женщины виртуозно умеют трактовать события так, чтобы еще больше раздуть свои обиды – и при этом находят слова, со снайперской точностью бьющие в самый центр наболевшего. Только вот зачем торговцу нужно было подкидывать дровишек в огонек ревности, всегда тлеющий рядом с настоящей любовью? Ведь тому огоньку много не надо, чтобы превратиться в ревущее пламя, мгновенно пожирающее большое и светлое чувство.

Впрочем, глянул я, как Жмотпетрович, сделав шаг вправо и назад, встал немного позади девушки, держа ружье наизготовку – и понял. Всё просто и прозаично. Сделал он это, просто чтоб я нож не кинул и на него следом не бросился. Девушкой прикрылся, сволочь. Поручи он это дело своим телохранителям, я б в тесном помещении вполне мог попытаться уделывать их с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, ускорив личное время. Да и насторожился бы при их приближении, это уж к гадалке не ходи – хватило того, как они меня подловили, когда брали при помощи стреляющих электрошокеров.

А тут да, всё верно рассчитал барыга. Не кинусь и даже не пошевелюсь. Не потому, что за свою шкуру опасаюсь, а просто побоюсь ненароком причинить вред Рут, которая искренне и беззаветно меня любит. Настолько сильно, что готова сейчас меня пристрелить, вон как пальчик на спуске подрагивает.

Ну, я и сделал всё как сказал Жмотпетрович. Сунул нож в ножны, отстегнул их от пояса, бросил.

– Вот и молодец, – сказал торговец. – А теперь в ящике стола найди наручники и сам себя в браслеты запакуй. Там же черный мешок возьми. Как окольцовываться закончишь, одень его себе на голову, будь любезен.

Грамотно. Значит, заранее все спланировал, гад ползучий.

– А если нет? – поинтересовался я.

– Тогда придется тебе ногу прострелить, – вздохнул Жмотпетрович. – После того, как тебя мои ребята шокерами взяли, их популярность в Зоне выросла невероятно. Как и цена. Так что нету больше у меня шокеров, продал все. Поэтому если чудить начнешь, придется действовать по старинке.

– Интересно, чем же я так не угодил? – всё-таки спросил я, выдвигая ящик. – Неужели из-за испорченных экземпляров?

– Да нет, – вздохнул торговец. – Ты ж сам всё понимаешь. Деньги за тебя предложили нереальные, впятеро больше того, что я заплатил за тебя Кречетову. Так что не обессудь, Снайпер. Ты же знаешь закон торговца: барыш на первом месте, а всё остальное – на последнем. Да и проблемка тут возникла. Кое-кто узнал, что ты у меня работаешь, а значит, скоро вся Зона об этом будет в курсе. А мне неприятности не нужны. Так что в какой-то мере это всё в том числе и для твоего блага тоже.

Напрашиваться на дыру в ноге, пробитую пулей двенадцатого калибра, мне совершенно не улыбалось. Да даже если и дробью Жмотпетрович своё ружье зарядил, с такого расстояния я честно не знаю, что будет хуже. Поэтому не стал я провоцировать барыгу, а сделал всё, как он сказал. В черном мешке, который я напялил себе на голову, не иначе до этого дохлую кошку хоронить носили. Вонял он так, что я от тех ароматов чуть сознание не потерял.

Впрочем, отрубился я не от этого.

– Что теперь с ним будет? – спросила Рут.

– Всё будет, – загадочно отозвался Жмотпетрович, после чего я услышал шаги и треск, какой бывает, когда тебя бьют по макушке тяжелым тупым предметом. Даже боли не было. Сразу – ничем не пахнущая темнота, которая в таких случаях накрывает мгновенно и бесповоротно, будто свет выключили...

***

– Согласен с вами, ужасные методы. Зачем бить человека по голове, когда достаточно выстрелить в него ампулой со снотворным?

– Знаете, коллега, я всегда предпочитал договариваться, нежели действовать насильственными методами. Даже не представляю, удастся ли мне теперь найти общий язык с этим человеком, за которого, между прочим, были заплачены столь колоссальные деньги...

Голоса плавали где-то рядом, но не раздражали, как бывает, когда ты пребываешь в полудрёме, а кто-то рядом мелет языком всякую ерунду. Хм-м-м, странно, с чего это я сейчас такой добрый, хотя после сильного удара по голове любой нормальный мужик обязательно звереет – если, конечно, не сдохнет от последствий черепно-мозговой травмы?

Но, что удивительно, – голова не болела, и шея не ныла, как можно было бы ожидать. Я лежал на чем-то мягком, воздух был свеж и немного пах озоном, в голосах, которые я слышал, не было ни малейшего намека на агрессивные нотки. Поэтому я практически без опаски открыл глаза, процентов на девяносто уверенный, что мне не придется сейчас втыкать кому-то пальцы в глаза и вгрызаться зубами в жесткий, невкусный кадык.

Не пришлось. Некому было. Да и незачем.

Я находился в знакомой уютной комнате с белыми стенами, где с момента моего прошлого посещения ровным счетом ничего не изменилось. Та же голограмма на стене, очень правдоподобно имитирующая окно, в котором шевелили кронами зеленые деревья на фоне чистого и очень синего неба. То же кресло рядом с окном. И тот же человек, сидящий на нем, закинув ногу за ногу.

Правда, сейчас на нем не было оранжевого противорадиационного костюма, в которых ходят по Зоне ученые, поэтому я узнал сидящего без труда. Только он ли это? Или тоже голограмма? А может, биологическая копия? Просто когда я относительно недавно видел этого человека, на его пальцах вместо ногтей были кровавые раны – тот, кто пытал пожилого ученого, хорошо знал свое дело. Сейчас же с ногтями было всё в порядке.

– Ну, здравствуйте, Снайпер, – широко и приветливо улыбнулся академик Захаров. – С возвращением в нашу скромную обитель науки и прогресса.

Хм-м-м, и зубы вроде все на месте. Наверняка копия.

Ученый перехватил мой взгляд и улыбнулся снова.

– Наверно, думаете, что я – это не я, а клон самого себя? Ошибаетесь. Мы же с вами в Зоне находимся. Там, где правильно подобранные артефакты вкупе с регенероном творят чудеса.

– Рад за вас, – сказал я и поморщился от боли в затылке. Поднял руку, пощупал. Шишка. Большая. Не иначе, Жмотпетрович прикладом своего ружья приложил.

– Сочувствую, – произнес Захаров. – И примите мои извинения. Не думал, что вас обездвигат настолько грубо. Но без этого было нельзя. Вся Зона сейчас на ушах, каждый бандит с «макаровым» в кармане ищет Снайпера. Так что везли вас сюда скрытно, с большими предосторожностями.

Я принялся к своей одежде. Понятно. Камуфля воняла сырой картошкой. Значит, запахали меня в мешок и завалили такими же мешками с картофаном. Очень интересно. И на кой я понадобился Захарову, чтобы мутить эдакую сложную операцию? Чтобы спасибо мне сказать за спасение жизни?

Это я ему и озвучил напрямую.

Ученый внимательно посмотрел на меня, потом сказал:

– Профессор, оставьте нас.

– Вы уверены, что это безопасно? – раздалось где-то в районе моей затылочной шишки.

– Уверен, – кивнул Захаров.

Ну конечно, как же я мог забыть? Словно в старые добрые времена, мимо меня прошествовал тип в оранжевом защитном костюме с короткоствольным автоматом в руках. Сквозь защитное стекло я рассмотрел настороженные глаза воинственного профессора.

– Смотри не споткнись, – посоветовал я. – А то когда идешь вперед, а смотришь вбок, можно навернуться и хозяйство себе отстрелить.

Было слышно, как профессор возмущенно засопел через фильтры. Впрочем, ничего вякнуть не посмел и ретировался, плотно прикрыв за собой дверь.

– Что ж, продолжим, – сказал Захаров. – Кстати, да-да, действительно, пользуясь случаем, я хочу вас поблагодарить за спасение моей жизни. Ваше появление тогда было очень своевременным, как и последующая помощь.

– Обращайтесь, если что, – сказал я. – И всё-таки – чем обязан?

Ученый задумчиво потеревил седую, аккуратно подстриженную бородку.

– Видите ли, я прекрасно знаю законы Зоны и в свою очередь рад отплатить вам монетой аналогичного номинала. Например, несколько часов назад мне стало известно, что у вас появился гораздо более опасный противник, нежели местная гопота. А именно: наши датчики и видеокамеры, которые мы постоянно развешиваем по всей Зоне, зафиксировали странное движение возле Саркофага. Оттуда вышла организованная группа людей, числом двенадцать,

и выдвинулась в направлении Дитятки. Иными словами, к бункеру торговца по прозвищу Петрович. Из чего, просчитав вероятности, я сделал вывод, что эта группа точно знает, кто в настоящий момент скрывается в данном бункере.

– Получается, вы, господин академик, следили за мной? – усмехнулся я.

– Я стараюсь быть в курсе всего, что происходит в Зоне, – несколько сухо заметил Захаров. – И, думаю, спас вам жизнь, так как сейчас данная группа уже достигла бункера и пытается его вскрыть. При этом камеры фиксируют незначительные, но довольно странные изменения, происходящие с телами штурмующих. Когда необходимо передвинуть или поднять что-то тяжелое, их руки начинают бугриться мускулами, нереальными для данного тела.

– И о чем это говорит? – озадаченно поинтересовался я.

– Думаю, мы имеем дело с нестабильной формой биологической материи, – сказал академик. – Иными словами, данные индивиды умеют изменять свое тело как им заблагорассудится, перестраивая клетки в любой последовательности. Никогда не видел ничего подобного, разве что у простейших. Я бы назвал этих существ биотрансформерами. Или биоформами, так короче.

– Да плевать на то, как их называть! – сказал я, резко поднимаясь с койки, на которой возлежал до этого подобно римскому патрицию. – Что там с бункером?

– Какая разница? – пожал плечами Захаров. – Если всё будет совсем плохо, Петрович уйдет подземными ходами. Тем более что теперь у него нет ценного приза, за которым пришли биоформы. Хотя сомневаюсь, что им так запросто удастся вскрыть бункер: Петрович не тот человек, который стал бы жить и торговать в ненадежном убежище.

Я немного расслабился. Академик прав. Значит, в ближайшее время о судьбе Рут можно не беспокоиться. Хоть и обвинила она меня во всех смертных грехах, но у женщин на первом месте эмоции, поэтому нам, мужчинам, существам мудрым и рассудительным, нужно и должно их понимать и прощать. Главное, если когда-нибудь буду роман писать обо всём этом, не забыть вычеркнуть то, что я сейчас подумал. А то ж порвут меня девчонки-читательницы на лоскуты, как есть порвут. Чисто на эмоциях, м-да...

А вслух сказал:

– Насчет бункера – согласен, вам ли не знать. Думаю, на вашу базу можно атомную бомбу скидывать, и ей ничего не будет.

– Лстите, молодой человек, – довольно улыбнулся академик. – Но – перейдем к делу. Понимаю, что вы хотите узнать, для чего на самом деле я вас сюда... хм-м-м... пригласил. Да-да, именно так, расценивайте это как приглашение, и никак иначе. Вы в любой момент можете покинуть мою скромную научную обитель, но всё-таки я прошу вас выслушать мое предложение.

– Весь внимание, – сказал я. – Хотя догадываюсь, о чем вы хотите меня попросить. Убить Кречетова?

Академик внимательно посмотрел на меня.

– А вы догадливы, – произнес он. – Да, именно так. Убить. И принести мне артефакт «фотошоп», который наверняка находится у него.

Усмехнувшись, я покачал головой.

– Я не наемник, за деньги жизни не отнимаю. Да и к тому же нет больше «фотошопа». Он лежал в моем внутреннем кармане и разбился, когда в него ударила пуля. Так что...

– Что? Простите, что вы только что сказали?!!

Академика аж приподняло над креслом, будто у него под пятой точкой взрывпакет рванул. Он подскочил ко мне и бесцеремонно задрал мне веко вверх, я даже сделать ничего не успел от неожиданности.

– Да-да, так и есть, – пробормотал Захаров. – Как же я раньше не обратил внимания? Цвет глаз. Другой. Совершенно другой... Будто искры на радужке. Невероятно...

– Эээээ... Господин Захаров, оставьте, пожалуйста, в покое мой глаз, – попросил я довольно осторожно, ибо ученый вцепился в мое веко словно клещ, и я серьезно опасался, что он его вот-вот оторвет.

– Конечно, конечно, – пришел в себя академик, отпуская веко. – Если я не ошибаюсь... Вы даже представить себе не можете...

– Да в чем дело, черт побери?! – взорвался я.

Захаров посмотрел на меня долгим взглядом.

– Вы не представляете, какая энергия была заключена в «фотошопе», – тихо проговорил он. – Если помните, я уже говорил вам, что это не просто артефакт, которым удобно кроить людей, словно костюмы. Это энергетический стержень тяжелого боевого корабля «мусорщиков», приводящий в движение огромную махину, способную стереть с лица земли крупный город. А то и не один. Так вот. При разрушении «фотошопа» вся энергия, заключенная в нем, должна была куда-то деться. Наиболее вероятное развитие событий – это колоссальный выброс аномальной энергии, думаю, самый мощный из тех, что когда-либо проносились над Зоной. Но его же не было, верно?

– Ничего не было, – пожал плечами я. – Ну, разве что боль адская в груди. Но я был уверен, что это запреградное действие пули, всё-таки в меня из пистолета...

– Вас должно было просто распылить на атомы, – перебил меня Захаров. – А также всё, что находилось вокруг вас в радиусе нескольких километров. Но этого не произошло. И я предполагаю, что аномальная энергия «фотошопа» каким-то немыслимым образом перетекла в вас. Конечно, то, что на вашей радужке появились слабо мерцающие штрихи, похожие на искры, ни о чем не говорит, но наводит на некоторые мысли. Думаю, вы уже пришли в норму после удара и довольно неудобной транспортировки и сможете пройти в соседнюю комнату. Я просто хочу проверить некоторые свои догадки.

Я пожал плечами и осторожно встал с кровати. Меня ожидаемо качнуло – всё-таки удар по тылке, после которого ты отрубашься, никогда не проходит бесследно. Но я был готов к подобному и потому сохранил равновесие...

Так, вроде нормально. Ноги слушаются, голова кружится, но терпимо. Переживем. И даже сходим туда, куда пригласил ученый, предупредительно открыв передо мной дверь. Надо же уважить хозяина, пусть даже придумавшего невесть чего. Что-то не ощущал я в себе аномальной энергии, способной разложить на атомы половину Зоны. Скорее наоборот – слабость, легкое подташнивание, словом, симптомы легкого сотрясения мозга.

Однако я всё-таки прошел в комнату, оказавшуюся то ли лабораторией, то ли операционной, то ли очень чистой пыточной, в которой имелся хирургический стол, множество стеклянных шкафов с приборами и непонятным для меня оборудованием, какие-то аппараты, большие и не очень, совершенно непонятного назначения... И, помимо всего вышеперечисленного, была там обычная раковина с обычным краном для мытья рук, над которым висело большое зеркало с куском мыла на особой полочке.

К этому зеркалу и подвел меня Захаров.

– Слушайте, уважаемый, мне глубоко наплевать на цвет своих глаз, – начал было я. – Главное, что они видят – и спасибо им на этом...

– Я вас сюда привел не на ваши глаза любоваться, – дрожащим от непонятного волнения голосом проговорил академик. – Посмотрите в зеркало.

Ну, я посмотрел. Ничего особенного. Ожидаемо знакомая рожа. Моя. Грязная. Дубленая всеми ветрами Зоны. Хмурый взгляд исподлобья. Тяжелый подбородок с трехдневной щетиной.

– Всё это я уже видел, ничего нового, – сказал я. – А искры в глазах порой случаются, когда по кумполу как следует треснут. Последствия черепно-мозгового привета от бывшего работодателя, чтоб ему...

– Вы можете представить свои ладони горячими? – перебил меня Захаров. – Огненными. Способными размягчать плоть и кости, делая их пластичными, словно мягкая глина?

– Зачем? – слегка опешил я.

– Просто представьте. Пожалуйста.

В голосе Захарова послышались умоляющие нотки. Надо же, никогда раньше его таким не видел. Странно всё это...

– Ну ладно, – пожал я плечами. – Блин, прям как на сеансе психотерапии для латентных шизофреников и убежденных алкоголиков.

И начал представлять.

С воображением у меня хорошо, накачал как мышцу, записывая истории о самом себе. В этом деле без него никак. Прикрыл глаза, сосредоточился. Так, ладони теплеют, нагреваются, вбирают в себя свет ламп, висящих под потолком. Горячее. Еще горячее. Раскаляются, словно стальные манипуляторы биоробота, нагреваемые в плавильной печи...

Запахло паленым. Слегка так, еле-еле. Но вполне ощутимо для того, чтобы я открыл глаза.

Руки не жгло, нет. Совершенно. Представляй свое мясо раскаленным, не представляй, ничего не изменится, это и лысому ежу понятно. Это ж я так, чтоб академик отстал. Однако запах шел снизу, и я невольно бросил взгляд на свои ладони...

И застыл, словно древнегреческийловец удачи, решивший полюбоваться на личико Медузы Горгоны.

Мои ладони светились. Изнутри. Слово живая кожа была натянута на лампы, формой повторяющие мои руки. Еще не веря тому, что вижу, я пошевелил пальцами. Наваждение не пропало. Правда, я заметил, что свечение медленно угасает.

– Невероятно! – потрясенно прошептал Захаров, о котором я и забыл, увидев такое. – Поразительно! Моё безумное предположение подтвердилось! И если это так, то очень прошу вас – попробуйте изменить в своем лице что-нибудь. Например, немного подкорректировать подбородок. Или нос. Я вас очень прошу! Это не мне надо. Это для науки. Для всего человечества!

Честно говоря, плевать я хотел на человечество – которому, в свою очередь, глубоко положить на меня. Но Захарову я был обязан – по крайней мере, я так считал. Поэтому я поднял руку и дотронулся пальцем до нижней челюсти.

Паленым запахло сильнее. Ага, вон оно что! Это волосы у меня на руках горели, оттого и запах. Сейчас же вонь жженой шерстью стала сильнее – на моем лице задымилась щетина. Но не это было главным!

Там, где я нажал пальцем, в челюсти наблюдалась вмятина. Заметная такая, я сдуру ткнул нормально так. Хорошо что не со всей силы, а то, подозреваю, кость бы сломал, несколько зубов себе в пасть вбил и язык бы снизу прям через свою морду почесал заодно. Или дырку б в нем прожег.

– И что это за нахрен? – повернулся я к академику.

Хотя вопрос был риторическим. И так ясно, что это за нахрен. Получается, я стал ходячим «фотошопом». Живым артефактом, способным лепить из себя всё, что на ум придет. Сомнительное достижение. Так-то меня всё вполне устраивало до этого. И как теперь эту вмятину убирать? Я ж не скульптор. Последний раз в детстве из пластилина голову чёртика слепил, и на этом все мои достижения в лепке закончились. О чем я и сообщил академику.

– Чертик хорошо получился? – поинтересовался он. Глаза горят, руки мелко трясутся. Ну, блин, точно – все настоящие ученые немного психи. Особенно когда стоят на пороге чего-то для них очень важного.

– Ну, неплохо вроде... – с сомнением в голосе отозвался я. – А к чему...

– К тому, молодой человек.

Захаров справился с собой, спрятал за спину руки и стал похож на профессора, втирающего двоечнику-студенту элементарные истины.

– К тому, что вас в Зоне ищут все. Без исключения. Цена за вашу голову взлетела втрое. И теперь, чтобы заполучить пятиэтажный домик у речки на Большой земле, не нужно лезть в аномалии и штурмовать Саркофаг. Достаточно один раз выстрелить. Потому вас и доставили сюда в условиях строжайшей секретности. Признаться, я думал, что придется делать вам пластическую операцию, но сейчас всё стало гораздо проще.

– То есть вы хотите сказать...

– Именно! Вот прямо сейчас, возле этого зеркала, вы измените себе внешность. Сами. Без чьей-либо помощи. Разве что типаж вам подберем.

– Это как?

– Хм-м-м...

Академик наклонил свою голову к лацкану белого халата, в котором он разгуливал по своей лаборатории-крепости, и сказал:

– Касси, принеси-ка нам что-нибудь из твоих журналов для девочек.

– Касси? – удивился я. – Она здесь?!!

– Где же ей еще быть? – поднял седые брови Захаров. – Это она дотащила меня, израненного, до этой лаборатории. Можно сказать, жизнь спасла. Ну и, понятное дело, в качестве телохранителя любому мужчине приятнее видеть красавицу, нежели мордоворота.

– Телохранителя? Касси?!!

– Почему нет? – пожал плечами академик. – Убивать она умеет не хуже любого мужика. Плюс собеседница интересная. От нее я узнал много всего о «фотошопе», например. Кстати, вот и она.

Я даже не заметил, как Касси появилась в этой пыточной. Вошла легкой походкой богини, знающей себе цену. Красивая, мать ее за ногу, до невозможности. У меня аж в паху как-то неуютно стало, когда ее увидел. Ухоженная, покрашенная, светлые волосы рассыпались по плечам, упругая грудь из разреза короткого халатика только что не вываливается.

– Догадаться, для кого она старалась? – заговорщически шепнул мне Захаров. – Как узнала, что вас сюда привезли, прям как подменили ее. Автозагар, косметика, фены-лаки, все дела. А между прочим, в Зоне эти женские штучки стоят порой дороже некоторых артефактов...

Касси подошла ближе. Она смотрела на меня не отрываясь. Так, словно в первый раз видела. В глазах – любопытство, интерес, возможно, желание... Черт... Когда нереально красивая девушка так смотрит на мужчину, у того все мысли, вся его житейская мудрость мигом выветривается из башки, где остается только инстинкт. Один. Основной. Очень ярко выраженный. Хорошо всё-таки, что я штаны всегда посвободнее выбираю, чтоб ногами было махать удобно, бегать, например... Вот и сейчас помогло. Надеюсь, в них не так заметно, насколько я рад видеть свою давнюю спутницу по Зоне живой и здоровой.

– Ну, привет, Снайпер, – сказала она с придыханием. – Вот и снова свиделись.

– Ага, здорбво, – сказал я, стараясь дышать при этом как можно ровнее. Хотя инстинкт и забивал все связные мысли, но я всё-таки осознавал, что реагировать на девушку как оголодавший кобель с высунутым языком как-то несолидно для бывалого сталкера, который, типа, даже легенда Зоны и всё такое прочее.

– Я слышала, о чем вы говорили, – продолжила она, дотронувшись пальчиком до гарнитуры в ухе. – Значит, ты теперь что-то типа живого «фотошопа»? Очень занятно. Господин Захаров, я правильно поняла? Вам нужна моя помощь, чтобы изменить внешность Снайпера?

– Да-да, – немного рассеянно проговорил академик. Надо же, старый перец, типа, смущенно отвернувшийся в сторону, краем глаза всё-таки косил на глубокий вырез в халате Касси.

Ишь ты, кто бы мог подумать, что в его возрасте подобные темы еще интересуют? Хотя Касси в полной боевой раскраске вполне может возбудить даже мертвого.

– В таком случае оставьте нас одних, – мило улыбнувшись, попросила девушка. – Вам ли, как творческому человеку, не знать, что при работе посторонние только отвлекают.

– Но я хотел бы... – попытался возразить Захаров.

– Понимаю, – мягко перебила его Касси. – В этой лаборатории четырнадцать камер записывают всё в постоянном режиме. Я потом лично смонтирую для вас подробнейший фильм с комментариями.

– Да-да, конечно, – несколько расстроенно проговорил академик. – Ухожу-ухожу.

И ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

– Надо же, слушается, – сказал я ровно для того, чтобы что-то сказать.

– Ну да, – просто сказала Касси, бросая журнал в раковину под зеркалом. – С чего бы ему меня не слушаться? В группировке Всадников я была Скульптором. Делала другим лица и фигуры, а однажды собралась с духом и сделала себе и то, и другое. Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, лучше сделать это самому. По-моему, получилось недурно.

– Трудно не согласиться, – сказал я, невольно сглотнув набежавшую слюну. Ну точно кобель, сделавший стойку на красивую суку! Аж самому противно.

– Только, боюсь, без подготовки ничего у нас не выйдет, – вздохнула Касси, нарочито медленно развязывая поясok белого халата.

– Ты о чем? – выдавил я из себя.

– Дергаться будешь, – сказала она, освобождаясь от халатика, под которым не было абсолютно ничего. – А работа скульптора требует, чтобы кусок глины не отвлекался на посторонние раздражители и сидел смирно. Так что заканчивай хлопать глазами и иди сюда.

– А как же... четырнадцать камер? – во второй раз за две минуты сказал я лишь для того, чтобы сотрясти воздух, так как всё моё тело, казалось, без помощи рук само стремительно освобождалось от камуфлы.

– А тебе не пофиг? – поинтересовалась она, грациозно присаживаясь на краешек операционного стола. – Кому интересно – пусть смотрят, не жалко. А кому неинтересно, тем просто лечиться надо.

Она была права. Через полторы секунды мне стало пофиг совершенно на всё. Думаю, даже плотоядный мутант, вцепившийся мне в задницу, не смог бы оторвать меня от Касси.

Было в ней что-то настолько притягательное, что мою бедную крышу, битую пулями и прожженную кислотными дождями Зоны, сорвало напрочь. Вглухую. Так, что основательный импортный стол, рассчитанный на серьезные перегрузки, поскрипывал и постанывал, словно древний старик, которого двое усердный банщиков старательно охаживают березовыми вениками.

...Я понятия не имею, сколько времени мы с Касси занимались подготовкой. Как говорится, счастливым часы по барабану – или что-то в этом роде. Не помню, как там правильно, забыл на фиг. Потому что в это время я был по-настоящему счастлив и не хотел ни о чем думать. Бывают девушки, которые тебе подходят в интимном плане, с которыми ты забываешь о себе, о времени, о том, что ты кому-то чего-то должен, и что нехорошо вот так, по-скотски трахаться в чужом доме. Но это всё остается за кадром, проходит мимо, когда ты сливаешься воедино с той, кто тебе подходит как никакая другая. И пусть, возможно, тебе сейчас это только кажется, и, может, на самом деле ты это всё себе просто придумал, чтоб оправдать кобелячье своё поведение. Пусть. Наплевать. Тебе сейчас хорошо. Очень хорошо. И остальное просто не имеет значения...

Потом я лежал на столе, словно препарированный труп, а Касси на подгибающихся ногах шла к своему халатику, валяющемуся на полу. Тоже хорошие мгновения. Как мелодичный

звон ударившейся об пол гильзы после выстрела, когда ты уже точно знаешь, что попал в цель. Жаль, что такие моменты быстро заканчиваются, как и всё хорошее в этой жизни.

– Животное, блин, – ворчливо сказала Касси, запахивая халатик поплотнее. – Баб, что ли, не видел после меня?

– Если и видел – не замечал, – соврал я, мысленно отгоняя навязчивый образ Рут, смотревшей на меня как на последнюю скотину.

– Бреешь как сивый мерин, – довольно усмехнулась девушка. – Знаю, что бреешь, кобелина, но всё равно приятно. Ладно, покувыркались – пора и за дело. Давай одевайся и пошли твой портрет править. Думаю, уважаемому академику гораздо интереснее смотреть на результат своих предположений, чем на твои причиндалы, которые ты по лабораторному оборудованию раскидал.

– Слушаю и повинуюсь, прекрасная пэри, – ухмыльнувшись, сказал я, слезая со стола. Многие жестоко отлюбленные девчонки после интимной битвы любят покомандовать нашим братом. Повосстанавливать таким образом самолюбие, слегка помятое самцом-доминантом. Это ничего, это можно. Но только немного, чтоб в привычку не вошло.

– Прекрасная кто?

Понятно. В восточной мифологии Касси была не сильна, что, впрочем, ее нисколько не портило.

– Неважно, – отмахнулся я. – Ну, и что от меня требуется?

– Ничего особенного, – пожала плечами Касси. – Подходи к зеркалу, разогревай ладони, а дальше я помогу.

...Это было странное ощущение.

Моё лицо на ощупь напоминало теплый пластилин. Коснешься – остается вмятина. Ущипнешь – появляется бугорок. И совершенно не больно. Фантастика...

– Аккуратнее, – предупредила Касси. – Не больно, пока с кожей работаешь. Начнешь мышцы вытягивать и кости править, мало не покажется. Но терпи. Если с анестезией работать, то внутреннее кровотечение наверняка начнется и отеки пойдут жуткие. Вся морда с черепа вниз стечь может и мешком на подбородке повиснет. Было такое в лагере Всадников, сама видела.

И я терпел...

Касси, словно опытный хирург, манипулировала моими пальцами. Там нажмет на указательный, там мизинцем что-то подправит. Я фактически только две руки держал возле своего лица, а остальное делала она.

Ее кисти были затянуты в толстые резиновые перчатки – объяснила, мол, если до моих пальцев дотронуться, когда они «разогреты», можно своих лишиться. Размякнут и отвалятся. Сама она была предельно сосредоточена, аж бисеринки пота на лбу выступили. Чего скрывать, мне было приятно наблюдать за ее отражением в зеркале. Гораздо приятнее, чем смотреть на то, что она делала с моим лицом. Я-то к своему старому привык, но сейчас Касси моими руками лепила из него что-то совершенно иное. Уж не знаю, что за идеал она там нашла в своем журнале, но то, что я видел в зеркале, мне решительно не нравилось.

Подбородок Касси вылепила какой-то слишком уж правильной формы, хоть в рекламе средств для бритья снимай такой подбородок. Морщины и шрамы все разгладила. Брови слегка раздвинула – мол, хмурый я больно по жизни – и их форму изменила. Уши уменьшила. Нос, сломанный раза четыре или пять, выпрямила – и, опять же, сделала его каким-то не таким. Вроде это называется аристократический, ага. Такой, к которому любой нормальный русский мужик подсознательно примеривает свой кулак...

И да, это было больно. Нереально больно. Примерно как если на живую, без наркоза ломать кости, вытягивать жилы, рвать мышцы. Но я терпел, сжимая зубы и очень стараясь не сжать кулаки. Потому что фиг его знает, что будет потом с этими кулаками. Может, сплавятся

в два комка из мяса и костей, да так и останутся навсегда. Так что терпи, сталкер, терпи. Тебе не впервой, ты с болью на «ты». Судьба у тебя такая – терпеть, преодолевать, идти вперед. Потому что если по-другому, то какой же ты нахрен сталкер?..

Наконец всё закончилось.

– Всё, – выдохнула Касси. И уронила свои руки. Понимаю ее, часа полтора возилась. Я же свои попытался опустить – и чуть не взвыл от боли в локтях. Затекали. Но это была терпимая боль. В отличие от той, которую я только что пережил. Тяжелая это тема – терпеть нестерпимые муки. Хотелось рухнуть на пол и отрубиться прямо на ледяном кафеле. Но я этого не сделал.

Я смотрел. В зеркало. Из которого на меня пялился мачо. Самый настоящий, увидев которого девчонки даже не пытаются унять дрожь в коленках, ошпаренных внезапным кипятком. Это мне Касси такое сейчас сказала. И добавила, что хоть и устала как крысособака, но не прочь с таким плейбоем и повторить недавний марафон.

А мне вот в зеркало плюнуть хотелось. Потому что подташнивает меня слегка от такой вот модельной внешности. Неестественная она, не из этого мира, провонявшего кровью, порохом и ржавчиной. Да и приметная больно, запоминающаяся, что в моем положении совершенно ни к чему. О чем я скульпторше и сказал.

– Тебе не угодишь! – фыркнула она. – И это вместо «спасибо». Не нравится – лепи сам какую захочешь. Только на череп сильно не дави, а то последние мозги вытекут.

Я глянул еще раз в зеркало, вздохнул и выдавил из себя:

– Благодарю.

И правда – старалась девка, душу вкладывала, а я веду себя словно псевдокритик, ни хрена не умеющий, кроме как полить дерьмом чужой труд – не нравится, мол, мне. Всё не то и не так. Правильно она сказала. Не устраивает – сам сделай лучше. Или заткнись.

Ну, я и заткнулся, смирившись со своей новой харей. В конце концов, мне ж не любоваться на нее и не на подиуме с ней шастать, нацепив на себя то, что нормальный человек никогда не наденет.

– Считаю, Снайпер, что это маскировка такая, – сказал Захаров, входя в комнату. – Так проще будет привыкнуть к новой внешности. Ну, а теперь о деле. Повторяю свое предложение об обмене – жизнь Кречетова на жизнь двоих ваших друзей. Что скажете?

– А как же «фотошоп»? – поинтересовался я.

– Зачем он мне, когда есть вы? – пожал плечами академик. – Надеюсь, после того, как я верну к жизни ваших друзей, вы не откажетесь погостить в моей лаборатории еще сутки? Этого времени мне вполне хватит для того, чтобы взять у вас некоторые анализы и провести пару совершенно безболезненных тестов.

При этом Захаров красноречиво покосился на Касси. Ишь ты, нашел замануху. Хотя, надо признать, знал чем зацепить. И если бы не мой моральный кодекс...

– Думаете об этической стороне моего предложения? – усмехнулся академик. – А не хотите вспомнить, сколько раз Кречетов пытался вас убить? Кстати, в последний раз, помнится, он отловил вас и продал, словно охотничий трофей. У этого человека нет ничего святого, ради своих интересов он родную мать продаст.

– А вы не такой? – поинтересовался я.

– Всё на этом свете продается и покупается, – развел руками Захаров. – Но, в отличие от Кречетова, я на вашей стороне. Поэтому вместо того, чтобы, в свою очередь, продать вас тому, кто больше заплатит, я предлагаю вам сделку. Которая, кстати, полностью совпадает с вашими интересами. Ну что, по рукам?

Я хотел сказать «нет» – и призадумался.

А почему, собственно, нет? Кто для меня важнее – Савельев с Рудиком, которые ценой своей жизни спасли мою, или психопат-ученый, для которого люди словно лабораторные

крысы: сдохла одна – ничего страшного, еще десяток наловим. Или купим по дешевке, благо в любом из миров этот товар ни разу не дефицит.

Подумал я – и сказал:

– Согласен.

***

Тухло тому, кто первый раз в Зону попал. Страшно. И его можно понять. Куда ни кинь взгляд – кривые деревья, изуродованные радиацией. Серая трава. Пасмурное небо, сплошь затянутое тучами, сквозь которые почти никогда не видно солнце. Постоянно болотная вонь, куда ни сунься, к которой частенько примешивается сладковатый запах гниющей крови. Вдоль разбитых дорог если не трупы валяются, то чьи-то кости – обязательно...

Ну и мертвые дома, куда ж без них. Если до Припяти живым дойдешь или до Чернобыля-2, то встретишь тебя там многоэтажки, похожие на огромные старые надгробия. А так по Зоне преимущественно сельские строения разбросаны. Одноэтажные. Одни в землю вросли по самые окна, от других только печи остались, заваленные трухлявым деревом...

Правда, есть и те, что целехонькие стоят, словно их вчера построили. Эти – самые жуткие. От них лучше подальше держаться, потому что это уже не просто дома, а смертельно опасные аномалии. Они, как любой плотоядный хищник, стараются выглядеть совершенно безопасными. А на деле войдешь в такой домишко, ну и всё. Отходил по зараженной земле сталкер-новичок, упокой его Зона.

Мне же все эти атмосферные пейзажи – как золотарю экскременты. Осознаешь, конечно, что с вонючим дерьмом дело имеешь, но ничего не попишешь. Работа такая. Да и привык я к этим унылым ландшафтам и кровавой вонище, которые незаметно стали частью моей жизни. Объяснили ж мне, что предназначение у меня такое, фекалии разгребать, мир от всякой пако-сти зачищать. Вот и зачищаю... И при этом понимаю, что нельзя выгребать дерьмо и не про-пахнуть им с головы до ног, не измазаться так, что с первого взгляда не отличить, где зло, а где борец с этим злом...

Впрочем, я не особо заморачивался насчет задания, которое мне выдал Захаров. Отча-сти потому, что помимо задания выдал мне академик нехилую снарягу. «Нулевой» защитный комбез в камуфляжной расцветке с вшитыми в него бронепластинами, американские берцы, рюкзак с запасом всего необходимого...

И, конечно, оружие.

Поскольку миссия мне предстояла деликатная, я выбрал себе в качестве основного ствола автомат «Вал», снабженный простым и надежным оптическим прицелом ПСО-1. Патронов взял нормально так, с запасом, а также штатный жилет прихватил российского производства, спецом разработанный для этого бесшумного оружия. На жилете разместил шесть запасных магазинов к «Валу», три гранаты, бесшумный пистолет ПСС с запасным магазином, а также прихватил стреляющий нож НРС-2 «Взмах» – в дополнение к «Бритве», которую мне вернул Захаров. Уж не знаю, как ему удалось ее раздобыть, но факты вещь упрямая. Выдал вместе с остальным оружием как нечто само собой разумеющееся. Ну, а я вопросов не задавал. К чему они? Если в твоей жизни случилось что-то хорошее, надо просто его принять, а не языком трепать попусту.

Ну вот, стало быть, шел я сейчас к Киевскому филиалу Института аномальных зон, то есть к кордону. Туда, где последний раз видел Кречетова. Шагал себе весь такой из себя краси-вый и в пятнисто-зеленом, отключив детектор аномалий и время от времени кидая новехонь-кие, из упаковки болты во всякие подозрительные места – чисто чтоб батареею детектора не сажать. Он еще может пригодиться ближе к кордону, где болота местами заросли камышом в рост человека и куда без детектора лучше не соваться.

Шел я, значит, и думал о том, как выгляжу сейчас со своей новой мордой, «нулевой» снарягой и болтами этими, не с ржавых тракторов да самосвалов скрученными, а поблескивающими никелем и тонким слоем консервационной смазки. Увидит нормальный сталкер такой болт на дороге и, вместо того чтобы подобрать, обойдет его по обочине. Хрен знает, откуда он в Зоне взялся. Не иначе аномалия какая, лучше подальше от него держаться.

Короче, ощущал я себя эдакой мухой, попавшей под струю краски и сейчас аккуратно ступающей по дерьму, чтобы случайно не запачкать белоснежные крылья. Неприятное ощущение. Не потому, что привык я бродить по Зоне как бомж, грязный, небритый и вонючий, – тут все такие, и здесь это норма, так как незараженная вода и лезвия для станка стоят как чугунный мост. А потому, что уж больно заметный я стал. Муха должна быть тёмненькой, сливаться с дерьмом, тогда гораздо меньше вероятность, что ее склюют те, кто питается насекомыми.

Думал-думал я и надумал на свою голову. В Зоне как нигде ощущается, что мысли материальны, поэтому тут подумал – всё равно что накликал. «Думать вредно» – это сто процентов говорят в народе про чернобыльские зараженные территории, где только мелькнула в голове мысль про то, что быть беде, – и вот она, нарисовалась во всей красе, нацелив тебе в брюхо полдюжины стволов.

Они вышли из-за развалин какого-то кирпичного сарая, притулившись метрах в тридцати от дороги. Шесть нормальных сталкеров в застиранных, но всё равно уже грязных комбезах. В руках – автоматы, с деревянных прикладов которых давно облезла заводская краска. Похожие друг на друга, словно патроны в магазине. Мелкокалиберные. Но всё равно опасные для жизни.

– Опа-на, пацаны, гля, какой хабар сам к нам в руки пришел! – с наигранной радостью сказал один, прыщавый, словно огурец. – Слышь, пешеход! Теперь твоё погоняло Хабар, усвоил?

Ну понятно. Нарвался. Романтики с большой дороги. Те, кому надоело шастать по Зоне в поисках артефактов, которые не каждому даются в руки. Так, конечно, заработать намного проще. А не выстрелили они потому, что заценили новую снарягу, которую не хотят дырывать и пачкать кровью. Поэтому сейчас сначала будет беседа «по-хорошему». А потом, когда жертва отдаст всё, включая исподнее, процентах в девяноста девяти – по-плохому. Правильно, зачем оставлять в живых потенциального мстителя? Проще ткнуть ножом в горло, а за ночь мутанты от трупов даже костей не оставят.

Все шесть стволов смотрели мне в лицо. Их хозяева ждали ответа. Если «клиент» дернется, не приняв правил игры, бандиты плюнут на то, что потом придется отстирывать от крови новую камуфлю, и предпочтут не рисковать.

Я – принял.

– Усвоил, – сказал я. – И что дальше?

– Дальше автомат положи на землю, нож свой – туда же, – миролюбиво сказал прыщавый. – Потом встань на колени и веточки свои на затылке сцепи. Остальное мы сами сделаем. Если будешь себя нормально вести, даже дадим старый, штопанный, но еще приличный шмот и «макарова» впридачу. Вполне для того, чтобы снова подняться. Мы ж нормальные люди, с понятием, не беспредельщики какие-нибудь. Ну, чего скажешь?

– Будь по-вашему, – вздохнул я, кладя оружие на землю. Потом неуклюже опустился на колени и положил руки на затылок.

Прыщавый рассмеялся, за ним облегченно заржала вся банда, хором опуская стволы. Ну логично же. Куда денется безоружный придурок с Большой земли, возмнивший себя крутым сталкером, вложивший серьезные деньги в «нулевую» снарягу и полезший в Зону на поиски приключений. Уверен, именно такой зеленой «отмычкой» сейчас казался я банде хохочущих кидал. Сейчас они наверняка чувствовали себя матерыми ветеранами зараженных земель по

сравнению с придурком, стоящим на коленях. Над которым можно безопасно поглумиться, прежде чем ограбить, раздеть и убить.

– И куда ж ты полез, лошара, со своей холёной мордой? – почти ласково сказал прыщавый, подходя ко мне. – Сидел бы себе в своем коттедже, попивал виски, омаров жрал. А сейчас вот приходится перед нормальными людьми на коленочках ползать. Вот она, справедливость Зоны, которая всё ставит на свои места!

Он говорил, приближаясь ко мне, и по его глазам я видел, что он сейчас примеривается, как бы половчее вломить с ноги по моей журнальной физиономии. Два шага ему оставалось до того, чтоб свое желание осуществить. А я ждал, пока его фигура закроет мою от глаз его товарищей.

Один шаг...

Пора.

Прыщавый занес было ногу, чтоб от души, как по футбольному мячу отвесить пинчища по намеченной цели...

Но вдруг поскользнулся на раскисшей грязи и со всего маху рухнул на спину. Во всяком случае, так показалось его товарищам, которые, затаив дыхание, ждали бесплатного развлечения.

Но не дождались. Потому что как только прыщавый заслонил меня собой от их взглядов, я нащупал пальцами рукоять стреляющего ножа, который пристроил на спине под воротником, резко выдернул его и нажал на спуск.

Звук от выстрела из НРС-2 практически бесшумен, сравним со звуком хорошей пощечины. Потому расслабившиеся бандиты лишь заржали над неловким товарищем, который, раскинув руки, шлепнулся в грязь. Но быстро заткнулись, увидев, что стало с его лицом.

Пуля патрона СП-4 представляет собой тупорылый стальной цилиндр, который, врезаясь в кость, не пробивает ее, как обычная коническая пуля, а проламывает. Я попал прыщавому в лоб, чуть выше бровей, отчего лицо бандита мгновенно превратилось в маску из фильма ужасов. Кровища, осколки костей торчат из вытекающих глаз, мозговое вещество, словно белая каша, из ноздри вылезло...

Были б на месте бандюков прожженные вояки Зоны, не раз видевшие подобное, типа тех же «борговцев» или «вольных», через долю секунды валялся бы я на дороге, нашпигованный свинцом, словно пельмень фаршем. У нормальных бойцов на такое реакция одна – вскидывая автомат и стреляя в потенциальную опасность, даже если не уверен, что это она.

Но передо мной была местная гопота из деревень Закордонья, промышляющая в Зоне грабежом сталкеров-одиночек. Которая от неожиданности подвисла, пялясь на развороченное лицо вожака и подарив мне драгоценную секунду. Коей вполне достаточно для того, чтобы, не вставая с коленей, рухнуть в грязь, схватить свой автомат и одной длинной очередью перечеркнуть пятерых бандитов.

На расстоянии в десять метров «Вал» – страшное оружие, полностью оправдывающее свое название. Пять ростовых фигур дружно попадали, похоже, даже не поняв толком, что произошло. Лох, стоящий на коленях, шлепнулся на брюхо – и вдруг во всем твоём теле обнурилась приятная слабость... И вот уже ничего не нужно тебе в этом мире, который стремительно становится каким-то размытым, тусклым и ненастоящим. А после, меньше чем через мгновение – тьма. Вечная...

Я встал на ноги и негромко матернулся. Новая снаряга была вся в грязище и даже кое-где местами в крови и мозгах прыщавого, которые щедро плеснули во все стороны из его развороченной башки. Впрочем, продуманная ткань не впитывала влагу, поэтому я лишь пристегнул «Бритву» обратно к поясу, подошел к ближайшему труп и, откромсав ножом от его одежды приличный кусок материи, тщательно обтер им свою камуфлу, снарягу и оружие.

Ну, вроде всё, можно идти.

И тут меня словно в спину что-то толкнуло!

Я понимал, что не успеваю перевести автомат из положения за спиной в боевое. Поэтому выхватил пистолет ПСС из потайной кобуры и, резко разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, в конечной точке того разворота вышел в положение для стрельбы с колена.

Успел!

У меня на мушке был еще один тип с автоматом. Правда, оружие он держал стволом вниз и, похоже, стрелять в меня не собирался. Потому и я, выдавив практически полностью слабину спускового крючка, не дождал пальцем пару миллиметров. А увидев, что тип, щелкнув переводчиком огня, забросил автомат за спину и примирительно поднял руки, несколько ослабил давление на спуск, продолжая при этом держать незнакомца на мушке.

– Они моего брата ограбили и убили, – сказал тип, кивнув на трупы. – А я по их следу шел, чтобы долг отдать. Но ты, по ходу, меня опередил. Жаль. Я сам хотел с ними рассчитаться. Так что ты теперь мне их жизни должен.

Парню было лет двадцать восемь, может, тридцать. Блондин, стрижка ёжиком. Глаза светло-серые, почти белые. Лицо скуластое и какое-то хищное, что ли. Боец, сразу видать. Но в то же время в Зоне недавно. Это сразу видно по цвету лица. Тут оно у всех старожилов нездоровый сероватый оттенок имеет, под цвет унылого пейзажа. Говорят, аномальное излучение на кожу так действует. А у этого пока еще кожа нормального цвета. Значит, меньше месяца по зараженной земле шастает.

– Чушь не пори, – сказал я, пряча пистолет обратно в кобуру. Дернется блондин – я ПСС обратно всяко раньше успею достать, чем он свой АК в боевое положение развернет. – Жизни я ему должен, ага. Скажи спасибо, что и тебя не пристрелил заодно. Если хабар с трупов нужен – забирай. И на этом расходимся. Есть возражения?

– Хабар не нужен, – качнул головой неудавшийся мститель. – А вот от помощи не откажусь. Я пока за ними гонялся, заплутал маленько и карту с компасом потерял. Как ты уже, наверно, понял, я в Зоне недавно, и больше мне здесь делать нечего. Так что буду признателен, если доведешь меня до кордона кратчайшей дорогой.

Ну точно, зелень зеленая. Не ошибся я. Карту и компас он потерял, лечь не встать. Хотя... о чем это я? Зона – девушка веселая, и с картой так закружить может, что век не выберешься. Но, как бы то ни было, попутчики мне нафиг не упали. О чем я блондину и сказал.

Тот кивнул, понял, мол. После чего сунул руку в карман и, достав оттуда пачку баксов, выдал:

– Тут десять тысяч долларов. Доведешь до кордона, получишь еще столько же.

Я призадумался. Деньги мне были нужны, так как я уже понял, что оживление моих друзей даже в случае очень большой удачи обойдется недешево. Не сказать, что я не верил Захарову, но в то же время было ясно, что для осуществления задуманного могут понадобиться наличные – хотя бы для закупки дополнительного снаряжения или для подкупа той же охраны Кречетова, если он её успел за это время завести и если не получится справиться с ней бесплатно.

Да и, по большому счету, цели наши совпадали. Мне тоже надо было в Призонье, где, собственно, и находился филиал Института аномальных зон. А значит, к кордону. Так почему не взять попутчика, который предлагает за это хорошие деньги? Правда, вечерело уже, а это значило, что немедленно двинуться в путь ну никак не получится.

– Ладно, договорились, – сказал я, забирая деньги. – Только недалеко мы уйдем, коли на ночь глядя по Зоне потащимся. Заночевать надо где-то, а с утра двинем.

– Я тут неподалеку чью-то старую стоянку видел, – сказал блондин. – Вроде ничего так оборудована, с умом.

– Пойдем, покажешь, – сказал я.

***

Стоянка и правда была оборудована грамотно. Большая поляна посреди роши, в центре которой кто-то навалил узловатых, кривых деревьев, огородив ими небольшую площадку. Получился эдакий деревянный бруствер, сквозь щели которого можно было обозревать местность на триста шестьдесят градусов. Правда, ночью особо ничего не разглядишь, но всё равно хоть какая-то защита. Причем неведомые строители с внутренней стороны бруствера торчащие ветки тщательно срезали, а с внешней – заточили, превратив их в острые колья. Плюс еще и укрепили оборонительное сооружение наскоро оструганными бревнами, перпендикулярно вбитыми в землю. Так что с наскока даже ктулху такое препятствие не преодолеет. Всё это я рассмотрел внимательно, когда мы с моим новым знакомым перелезли через заграждение в единственном месте, где это можно было сделать, не рискуя напороться промежностью на заточенный сук.

– Грамотная засека, – оценил я. – Самое то для ночевки.

В самом центре стоянки на земле чернело большое пятно. Понятно, костры тут жгли все, кто зависал в этом месте. И пламя со стороны не видать, что большой плюс ночью – никакой незваный гость не припрется на огонек...

Однако приперся.

Не успели мы как следует осмотреться, как через колючий бруствер длинным прыжком перемахнуло мускулистое, гибкое тело. Я было рефлекторно вскинул «Вал», чтоб соответствующе встретить неожиданную опасность, но в следующую секунду, крутанувшись, сам ударил прикладом по стволу «калаша» блондина, который отреагировал на мутанта точно так же, как и я.

– Ты чего? – выдохнул тот. – Это ж мут!

– Мут, – сказал я, хватая в охапку бросившегося обниматься Лютого. – Мой мутантище. Можно сказать, домашний зверь.

– Ничего себе питомец! – удивленно произнес блондин, закидывая свой «калаш» за спину. – И как познакомились?

– Котёнком подобрал на перроне, когда возвращался из армии домой, в Москву.

Да уж, много лет прошло с тех пор, и много чего произошло с нами... Я стал тем, кем стал, – Меченосцем с предназначением убивать всё, что шевелится не так, как угодно мирозданию. А Лютый превратился в мутанта. Мускулистого, когтистого, клыкастого, умеющего обмениваться со мной мыслеобразами. Своеобразными картинками, возникающими в мозгу. Не полноценное общение, конечно, но всё лучше, чем «мур-мяу» от обычного кота, которые любой хозяин расшифровывает так, как ему нравится думать.

– Надеюсь, он не скушает нас ночью вместо ужина? – поинтересовался блондин.

– Он скорее сожрет любого, кто захочет нами поужинать, – сказал я. – Или, во всяком случае, попытается. Так ведь, Лютый?

В ответ в моей голове возникла неаппетитная картинка: кровь, кишки, трепыхающееся, только что вырванное сердце. И над всем этим мясным кошмаром – грозная фигура моего каракала, крупнее, чем в жизни, раза в три, положившая окровавленную лапу на чью-то оторванную голову.

– Ох, ё! – выпучил глаза блондин, видать, тоже поймавший мощный мыслеобраз, которые порой могут принимать и обычные люди. – Он еще и разговаривает, что ли?

– Он еще и крестиком вышивать может, и на машинке штаны подрубить – запросто, – сказал я, хлопая каракала по спине – хорош, мол, обниматься. Мог бы и раньше от кормушки Жмотпетровича оторваться и хозяина найти. – Хватит уже на кошака моего любоваться, давай-ка лучше костром займемся.

Дров внутри периметра было заготовлено примерно на неделю отсидки за деревянной загородкой.

– Не иначе маркитанты тут зависают по пути от одной торговой точки до другой, – заметил я, чиркая зажигалкой с претенциозной гравировкой: «Если пойду я долиною смертной тени, то не убоюсь я зла. Потому что я и есть самое страшное зло в этой долине». – Уж больно хорошо тут всё продумано.

– Кто? – переспросил блондин.

– Эээ... торговцы, – поправился я.

Иногда я уже сам забываю, где нахожусь – то ли во вселенной Кремля, то ли в чернобыльской Зоне. Оба мира для меня как один стали. Да с тем порталом загадочным, который так и не закрылся по непонятным для меня причинам, получается, так и есть. Две вселенные стали как колбы огромных песочных часов с отверстием-порталом между ними, через который просачиваются туда-сюда мутанты... И люди. Которые порой хуже любых самых страшных мутантов.

Вещмешок блондина оказался тощим, всего-то четверть булки черствого хлеба нашлось в нем да кусок зеленоватой колбасы. Скучный ужин для одного, вряд ли полезный для желудка.

– Оставь себе это для худших времен, – посоветовал я, доставая из своего рюкзака армейские сухпай, которые я набрал на продскладе Захарова, – и весят относительно немного, и с калориями полный порядок. – Или выкини нафиг, а то еще отравишься. Зря ты, конечно, сидоры тех бандюков не обшарил, глядишь бы в них что-то более питательное нашлось.

– Зачем? – пожал он плечами. – Я за ними шел налегке, точно рассчитав продовольствие. Если б они меня грохнули, еда бы мне точно не понадобилась. А если б я их, то провианта мне бы хватило точно на обратный путь. Вот только карта с компасом подвели, потерялись...

– Ладно, тут на всех хватит, – сказал я, протягивая попутчику коробку с сухпайком. – Приятного аппетита.

...Саморазогревающаяся упаковка – великая вещь. Через несколько минут мы сидели у костра, уплетая за обе щеки горячий гороховый суп с мясом на первое и рисовую кашу с тушенкой на второе. Лютый всё то же самое употребил холодным. Удобный зверь, без заморочек. Жрет всё подряд. Заточив в несколько кусов сухпай, он подошел к выброшенному блондином хлебу с колбасой, понюхал и их сожрал тоже.

– Проглот, – хмыкнул я, на что Лютый лишь довольно облизнулся и, сыто жмурясь, улегся возле костра.

– Звать-то тебя как? – поинтересовался блондин.

– В Зоне Снаруж кличут, – зевнул я – вкусная и сытная еда способствует сонливости. – Что-то типа позывного.

Первому встречному совершенно необязательно рассказывать о том, кто ты есть на самом деле. Особенно когда тебя вся Зона мечтает отловить ради нереальных бабок, которые готовы заплатить за твою голову все группировки зараженных земель, дабы перепродать «мусорщикам» за еще большие деньги.

– А меня Талом, – сказал блондин.

– Странное погоняло, – отметил я.

– Это от слова «Итальянец», сокращение, – пояснил Тал. – А то пока в бою окликнешь, или тебя грохнут, или перестрелка закончится.

– А почему «Итальянец»? – вяло поинтересовался я, борясь с желанием рухнуть на утоптанную землю и отрубиться.

– Работал я в Италии долго, – отозвался блондин.

– Понятно, слышан, – кивнул я. – Родина Микеланджело, лазаньи и знаменитых неаполитанских воров.

– Ну, великих людей кроме Микеланджело в Италии родилось довольно много, – слегка оскорбленным тоном заметил Тал. – Воров же гораздо больше в Риме, чем в Неаполе. А насто-

ящую лазанью теперь в Италии не встретить. Осталось лишь одно место, где её готовят так, как надо, – во Флоренции, в ресторане «Финистерра», который находится в двадцати шагах от памятника великому Данте, что на площади Синьории...

– Ты, по ходу, там и работал, – кивнул я. – Поваром или официантом?

Тал нахмурился. Похоже, обиделся.

– Да ладно, это я так, к слову, – сказал я. – Как ночью дежурить будем?

– Спи, – коротко бросил блондин. – Ты, по ходу, еще немного, и головой в землю воткнешься. Через четыре часа разбужу.

– Годится, – кивнул я.

Не сказать, что я с ходу прям доверился человеку, которого первый раз вижу. Но рядом жмурился на костер Лютый, которому я подкинул мысль последить полночи за новым знакомым. На что мой кошка послал мне картинку бодрого монструозного каракала, замершего над спящим мной. При этом я был какой-то мелкий и скукоженный в отличие от бугрящегося мышцами гигантского мутанта. То ли Лютый хотел себя таким видеть, то ли реально где-то подхватил вирус мании величия. Впрочем, мне-то какая разница, как он себя видит? Главное, чтоб за блондином последил.

Я даже под голову ничего себе подложить не успел, так меня снесло. Прям на землю голову положил и вырубился. Бывает такое, когда ничего больше не надо, только закрыть глаза – и гори оно все синим пламенем. По ходу, устал я от всей этой беготни по Зонам. Смертельно устал...

Мне показалось, что я только закрыл глаза, как получил довольно чувствительный толчок в плечо. Я даже проснуться толком не успел, а уже обнаружил себя с ножом в руке и стоящим на полусогнутых. Вот что значит рефлекс психа ненормального, которых в Зоне называют сталкерами, а по ту сторону кордона считают за мутантов.

– Псих ненормальный, – так и сказал Тал, отпрыгивая в сторону. – Так же зарежешь человека, даже глаза не продрав.

– Что случилось? Уже моя смена? – не став вдаваться в дискуссию, я по привычке сразу перешел к сути вопроса. Тоже, кстати, отработанный рефлекс.

– Да нет, час еще тебе спать по идее, – пожал плечами блондин. – Просто что-то кошка твой волнуется. А я, в отличие от тебя, с ним разговаривать не умею.

И правда, Лютый стоял на задних лапах и напряженно смотрел в ночь через щель между бревнами. Может, крысу заметил? Как я понимаю, он до них большой любитель.

«Что там? – послал я мысль каракалу. – Крыса?»

«Человек», – последовал ответ в виде темной фигуры, прячущейся в ночи. И тут же следом картинка, где этих фигур несколько, что можно было понять как: «Много людей».

– Этого нам еще не хватало, – сказал я, вкладывая «Бритву» в ножны и берясь за «Вал».

– Что такое? – поинтересовался Тал.

– По ходу, поспать тебе сегодня не судьба, – сказал я. – Окружают нас. И их много.

– Кто?

– А я почему знаю кто? – пожал плечами я. – Те, кому мы зачем-то понадобились.

И заорал во всю мочь своих легких и луженой глотки.

– Эй, бродяги! Чего надо?

В ночи повисла тишина. Я даже услышал звон комара у себя над головой, потому что других звуков не было. А потом по ту сторону бруствера, метрах в ста раздался хриплый, очень неприятный голос. Словно и не человек проорал, а животное какое-то, чьи голосовые связки не предназначены для внятной речи, но оно всё равно напряглось и выдало:

– Вас надо. Выходите без оружия, тогда умрете быстро. И не больно.

А вот это я люблю. Когда противник четко обозначает, чего хочет. Не как давешние бандиты, трали-вали за любовь к ближнему перед тем как замочить, а просто и ясно. Мы пришли

вас убивать. По крайней мере честно. Уважаю таких врагов. Их и убивать не противно, как некоторых: выстрелил – и словно клопа раздавил, руки помыть охота.

Вместо ответа я поднял «Вал», просунул ствол меж узловатых бревен и выстрелил на голос.

И понял, что не попал. Интуитивно. Это я всегда знаю. Чувствую. И не мистика это ни разу, а просто опыт того, кто много стрелял в живых существ. И много попадал, при этом редко промахиваясь. Я и сейчас должен был попасть...

Я ждал, что сейчас на наше укрытие обрушится шквал огня, но не тут-то было.

– Зря ты так, – хрипло крикнула ночная темнота. И следом за моей спиной что-то упало.

Я успел лишь обернуться, понять, что это, и удивиться. Даже очень сильный человек не способен бросить гранату на сто метров, да еще и так, чтобы она перелетела через довольно высокий деревянный бруствер. И та же интуиция подсказала: бросал тот, кто хрипло орал в темноте. Оттуда, откуда стоял. А еще я знал, что выстрелил точно. И не попал потому, что в последний момент хрипатый сместился в сторону, будто знал заранее траекторию полета пули.

У меня было от силы две секунды. И я сделал то, что был должен. Послал мыслеобраз Лютому: «Беги. Я тебя найду!» И увидел, как тот бросил на меня вполне осмысленный взгляд и, сильно оттолкнувшись мощными лапами, грациозно перемахнул через бруствер.

«Если выживу...» – добавил я мысленно.

А потом граната рванула. Как и положено было гранате такого типа. Травматической. Американской. Так называемой «Sting-ball 9590». Штуке крайне редкой, предназначенной для разгона уличных беспорядков и подавления тюремных бунтов, начиненной в качестве поражающих элементов резиновой картечью.

– Глаза прикрой! – заорал я Талу и при этом сам успел заслонить лицо рукой за мгновение до того, как по нам хлестанул рой мелких шариков, разогнанных до скорости травматической пули.

В меня недавно стреляли из «Осы». Ощущение, мягко говоря, болезненное, руку тогда сразу отсушило. А тут по мне словно из десятка травматов пальнули.

Причем попало конкретно. По ногам и под дых.

Я рухнул на колени, пытаясь вдохнуть. Не получилось. Только хрип и бульканье в горле. Твою ж мать, как неудачно-то, прям под грудную бронепластину! Чуток бы выше... Блин... Неужто разрыв диафрагмы? И что это за вонь? Твою ж мать, по ходу граната комбинированного действия, газово-травматического...

Я почувствовал зверское жжение в глазах и в носу и понял, что это не самая страшная моя беда, потому что вот прям сейчас я и сдохну тут. Ну не может человек жить не дыша, а вдохнуть я не мог – слишком уж силен был удар резинового шарика...

И тут внезапно меня разогнуло. Кто-то или что-то мощно хрястнуло меня по спине, да так, что воздух сам хлынул в мои легкие, отчего в глазах у меня потемнело не ко времени. Мог бы я видеть, глядишь, как-нибудь ушел бы от второго удара по затылку... Но не судьба. Взрыв боли в черепе... Звезды, появившиеся во тьме перед глазами... Всё...

***

Это всегда очень больно, тошно и мерзко – приходить в себя после того, как тебя вырубili. Причем в двух смыслах. Башка раскалывается, желудок крутит, во рту будто кошка нагадила. Но не это самое паскудное. Хуже нет осознавать, что тебя сделали, словно пацана. Заманили в периметр, из которого по-быстрому свалить никак не получится, словно зайца в ловушку с морковкой. А потом огрели меж ушей дубинкой, связали – и вот она, легкая добыча. Валяется на чем-то твердом и холодном, руки – в положении за спиной, запястья болят.

Понятно. Значит, валяюсь я тут недолго, иначе б руки не ныли от слишком тугой вязки, а уже онемели. Осталось выяснить, куда меня на этот раз притащили.

Я разлепил глаза – и меня тут же вырвало. Знатно так, с надрывом. Удивительно, что желудок следом за вкусным сухпайком не вывалился. Значит, сотряс мозга. Не сильный, но имеет место быть. Впрочем, ему не привыкать. По ходу, он у меня уже набитый, словно кулак каратиста, в мозолях от частых ударов по голове...

Темнота прямо передо мной взорвалась матом, после чего я ощутил чувствительный пинок в плечо.

– Слышь, ты, мля, блуей аккуратнее! Весь сапог мне залепил.

– Слышь, ты, повежливее, – рыкнула справа от меня темнота голосом Тала. – Не видишь, человеку хреново, в череп получил.

– А мне-то что?

– А то. Если пинаться не перестанешь, то от меня в тыкву схватишь с ноги. Вопросы?

– Да пошел ты, – уже менее уверенно отозвался, как я понимаю, облеваный мною матерщинник.

Я сплюнул кисятину во рту, зажмурился, чувствительно куснул себя за губу и вновь открыл глаза.

Ну ясно. Там, куда я угодил, было не так уж темно, просто я это не сразу осознал – нормальное явление после вырубки и сотряса башки. Тусклый свет пробивался сквозь дощатые стены и через дырявую крышу. То есть я валялся связанный в каком-то сарае. Рядом ожидаемо сидел Тал, прислонившись спиной к стене. Руки, как и у меня, за спиной. А чуть поодаль расположились еще два персонажа. Судя по виду, то ли местные бандиты, то ли не особо удачливые сталкеры. Дешевые грязные шмотки, потертые и местами рваные кожаные куртки с вшитыми бронепластинами, рожи небритые и в ссадинах. Впрочем, я, небось, сейчас немногим лучше выгляжу.

Помимо моей свежей блевотины тут воняло дерьмом, мочой и потом. Изрядно. Концентрированно, можно сказать, что называется, не продыхнуть. По ходу, множество пленников побывало тут, так прогадить атмосферу те двое никак бы не смогли, даже если б тут неделю кантовались.

– Давно вы тут? – уточнил я, отплевавшись.

– Два дня, – брезгливо отряхивая сапог, сказал сталкер.

– И чего тут происходит интересного? – поинтересовался Тал.

– Да ни фиги, – отозвался второй сталкер. – Один раз троих привели, потом по одному повывергали. Молодые «отмычки». Какого хрена такие сопливые студенты в Зону лезут – не пойму.

– Кишки лишние в брюхе имеются, – хмыкнул облеваный. – Мечтают их по кустам да веткам развесить вместо гирлянд, Зону украсить...

За дощатой дверью слышались шаги.

– О, жратву принесли, – обрадовался облеваный. – Хреновая она тут, конечно, но сытная. Суп жирный, на костях, требухе и мясных обрезках, хлеба много дают.

– Заметно, что сытная, – скривившись, повел носом Тал.

Дверь заскрипела, и на пороге нарисовалось странное существо. Плечи широченные, а головы нет. Вместо нее бугор какой-то...

Впрочем, через мгновение я понял, что голова всё-таки имеется. Просто не сразу заметно ее на фоне огромного горба. Одет урод был в перехваченную поясом на талии свободную черную рубаху до колен с широкими и короткими рукавами. Плюс штаны того же цвета, плюс сапоги.

– Все четверо – на выход, – прокрипел горбун. – Быстро.

Я узнал этот голос. Так вот кто предлагал мне в лесу умереть быстро и безболезненно. Мутант, значит. И, судя по движениям, очень ловкий, быстрый и сильный мутант. Плюс если не стопроцентный псионик, то однозначно умеющий чувствовать, когда в него целятся. Безглазые псы такие же. Интуитивно отскакивают в сторону, ощутив на своей шкуре невидимую линию выстрела. И я тоже из таких же... Со временем научился ловить мысленный сигнал, намерение того, кто хочет меня убить. Хотя, как уже говорил неоднократно, все мы тут, на зараженных землях, в той или иной степени мутанты. Кто с врожденными изменениями, кто с приобретенными...

Быстро не получилось. Пока встанешь с пола со связанными за спиной руками, пока затекшие ноги разогнешь...

Мутант помог. Быстро и плавно втёк в помещение, схватил Тала и легко, словно пластмассовую куклу, выкинул наружу. Следом полетели облеваный, его товарищ и я. Феерическое ощущение, когда тебя хватают стальными клещами за плечи и швыряют, словно чемодан из самолета при выгрузке багажа. И рад бы дернуться, а никак. Силища нереальная у этой твари.

Хорошо, что при падении лицо себе не разбил, успел крутануться в полете и упасть на бок. А вот второму сталкеру не повезло. Он стоял на коленях, и из его расквашенного носа капала кровь.

Мутант же не спеша закрыл дверь сарая на замок... и тут я, мягко говоря, удивился, так как ничего похожего никогда не видел.

Горб за головой мутанта шевельнулся – и распался. После чего мне стало понятно, зачем у рубахи горбуна такие широкие рукава. Потому что в каждый из них просунулось еще по одной руке, которые до этого были сложены за ненадобностью на затылке мутанта. Гибкие, бугрящиеся мускулами руки, в которых, кажется, вообще не было костей, словно в щупальцах осьминога.

Мутант подошел, ухватил каждого из нас за шиворот и потащил за собой, словно котят. Сопротивляться эдакой силище было просто нереально. Плюс меня еще порядком мутило после того удара, и ноги подкашивались. То есть боец из меня никакой. Да и как биться с таким чудищем? Ногами? Вот уж не знаю. По моему, этот биотанк очередь из пулемета хрен остановит.

Четырехрукий провололок нас по захламленному, грязному двору и, втащив в облезлое двухэтажное здание, расположенное неподалеку от сарая, попер по довольно широкому коридору.

Здание это как оставили после чернобыльской катастрофы, так, наверно, никто им и не интересовался, кроме диких зверей, сталкеров, ищущих ночлег, да вот этого мута, который, похоже, оборудовал тут своё логово. Впрочем, впереди слышались приглушенные голоса, но неудобное положение мешало рассмотреть кто ж там голосит впереди.

Однако рассмотрел, когда мутант приволок нас в довольно просторное помещение и поставил на ноги.

Когда-то это была столовая. Нетрудно догадаться хотя бы по выцветшим советским плакатам, чудом сохранившимся на стенах. На одном изображена мозолистая трудовая пятерня, на которой было категорично написано: «Мой руки перед едой!» На другом красовался могучий мужик с белым колпаком на голове в окружении кастрюль. И подпись: «Повар, соблюдай порядок в столовой!»

В целом помещение сохранилось неплохо, если не считать потеков на стенах и выщербленного грязного пола, на котором тут и там валялись кости и объедки. Стулья и столы, например, были что надо. Эдакие массивные памятники советской мебельной промышленности, которая если что производила, то на века.

За ближайшим столом сидели посетители и жрали из литровых стеклянных банок что-то типа тушенки, вылавливая куски мяса прямо руками либо вытряхивая густое содержимое себе в пасти. Еще несколько таких же закатанных банок стояли на столе. Ясно, домашние заготовки. Мой желудок слегка дернулся, напоминая о себе. Мол, я ж того, выблевал всё. Пожрать бы, хозяин...

Правда, в следующую секунду я блеванул бы снова, но нечем было. Потому что один из едоков выудил из банки тушеный человеческий палец. Задумчиво осмотрел его со всех сторон и принялся с аппетитом грызть, да так, что только кости фаланг на зубах захрустели.

Так уж устроен мозг человека, что он первым делом фиксирует самое важное для своего хозяина. Я, например, всегда сначала помещение оцениваю на предмет, насколько удобно в нем махать-перестреливаться и в случае чего как оптимальнее из него свалить. Потом взгляд за жратву зацепился, что понятно – в Зоне для сталкера это один из наипервейших интересов. И только сейчас осознал я, что за типы так аппетитно жрут из банок человеческое мясо.

Их было двенадцать. Все как на подбор крупные, широкоплечие, мускулистые, и почему-то в напорох разодранной одежде со следами крови на ней. Причем у меня моментом сложилось ощущение, что одежда им как бы и не нужна, просто по привычке таскают на себе дражные тряпки, некогда бывшие легкобронированными комбинезонами группировки фанатиков Монуменста. Уж я-то отлично знал униформу этих ненормальных, поклоняющихся аномалии...

Один из них полез было в почти пустую банку, но не достал прилипший к ее дну кусок человеческой ступни. И тут я увидел, как пальцы фанатика удлинлись, каждый без малого на десять сантиметров. Довольно хрюкнув, «монументовец» подцепил ими вожаемое мясо и довольно зачавкал.

«Данные индивиды умеют изменять свое тело как им заблагорассудится, перестраивая клетки в любой последовательности, – немедленно всплыли у меня в голове слова академика Захарова. – Никогда не видел ничего подобного, разве что у простейших. Я бы назвал этих существ биотрансформерами. Или биоформами, так короче».

Их главарь, как и полагается, сидел во главе длинного стола и задумчиво ел, вытаскивая мясо из банки неестественно длинными пальцами. В отличие от остальных на нем не было обрывков одежды. К его телу давным-давно намертво прирос старый экзоскелет самой первой модели. И когда тело хозяина этого раритетного экзо начало расти, металл, не выдержав давления, лопнул во многих местах. Теперь фигура главаря странным образом мутировавших «монументовцев» была облеплена кусками брони, меж которыми проглядывало черно-красное, пульсирующее мясо. Причем большая незатянувшаяся рана в груди мутанта никоим образом не мешала ему жить. Как и его подчиненным, у которых я заметил аналогичные глубокие дыры в туловищах, из которых понемногу сочилась зеленоватая жидкость.

Шлем главаря тоже лопнул, бронестекло отсутствовало – наверно, растрескалось и отвалилось. И теперь можно было рассмотреть лицо того, кого я знал как Перевозчика. Сплошная черная, бугристая маска, с красной щелью беззубого рта, похожей на рану. И глаза без бровей и век. Кровавые жуткие шарики с черными точками зрачков посредине.

– Когда уже горячее будет, хозяин? – проревел один из «монументовцев». – Закуски твои хороши, конечно, но только аппетит разжигают.

– Сначала выберите, кого будете есть, – проскрипел четырехрукий мут.

– А помоложе никого нет? – сморщил уродливое лицо разговорчивый «монументовец». – У этих прожженных сталкеров мясо жесткое, как у старых коров, подошедших своей смертью.

– Молодых всех сожрали до вас, – равнодушно отозвался мутант. – Это всё, что есть.

– Берем всех, – глухо проговорил Перевозчик. И, вытащив руку из банки, ткнул измазанным слизью пальцем в Тала. – Мне стейк вон из того. Он посвежее остальных выглядит. Сделай с кровью, только не пережарь.

Как только старший группы закончил, тут же посыпались заказы от остальных. Кто-то руку пожелал в чесночном соусе, кто-то хорошо прожаренные пальцы. После каждого заказа Тал вздрагивал. Когда на него показал пальцем один из «монументовцев» и заказал его сердце, блондин проговорил еле слышно:

– Помню, как у нас в ресторане я так живых крабов клиентам выносил, на посмотреть. Те их разглядывают, прикидывают, годится ли краб им для ужина. А они тихонько так на блюде сидят, будто чувствуют, что их ждет...

Четырехрукий сильно встряхнул Тала, и тот обреченно замолчал.

Наконец, заказчики заткнулись, мысленно расчленив почти всех нас. Кроме меня. Я уж подумал, что отправлюсь обратно в сарай в одиночестве, но тут последний «монументовец» ткнул в меня пальцем и сказал:

– А мне его башку свари. Целиком. И череп вскрой, чтоб мне не возиться. Хочу сначала его фотомodelьную рожу обглодать, а потом мозг сожрать. У меня на Большой земле такой же красавчик жену увел, и если б не он, я бы в Зоне не оказался.

– Жалеешь, что ли? – главарь поднял на подчиненного красные глаза.

– Нет, конечно, – немного нервно рассмеялся тот. – Наоборот, всё, что ни делается, – к лучшему! Зачем мне жена-шлюха? Жену-то я, кстати, убил, а вот до того урода так и не добрался, свалил он. Так хоть на этом оторвусь.

– Приятного аппетита, – криво ухмыльнулся главарь, отчего черная корка в уголке его рта треснула, обнажив темно-красное мясо. Впрочем, главаря это ничуть не смутило. Достав из банки чье-то ухо, он принялся его задумчиво жевать. Видимо, принимая вкусную и здоровую пищу, попутно размышлял о нуждах и проблемах личного состава.

– Спасибо, Харон, и тебе того же, – облегченно выдохнул «монументовец».

«Ишь ты, по ходу, Перевозчик погоняло свое сменил, – думал я, пока четырехрукий выволакивал нас из зала. – К чему бы это?»

Странное существо человек. Его на убой тащат, а он думает о том, с какой это стати главарь фанатиков прозвище поменял. Ну, а если разобраться, то чего еще делать-то? Плакать и извиваться, получая за это на ходу увесистые пинки от четырехрукого пониже спины? Товарищ облеванного мною сталкера как раз этим и занимался. Правда, похоже, от плохого настроения помогало это неважно.

Протащив нас знакомым коридором, мутант повернул налево, потом еще раз налево, и мы оказались в разделочном цеху.

На самом деле цех – это громко сказано. Небольшое помещение с массивным столом, залитым почерневшей кровью, и крюками под потолком, на двух из которых, подцепленные за нижнее ребро, висели человеческие тела с разными степенями обструганности мяса. У одного вместо ноги белела кость с обрывками плоти на ней. Второму повезло меньше. Или больше. С него было срезано почти все мясо, и оставшееся успело почернеть. Почему больше? Потому что он был мертв. В отличие от одноногого, который и кричать уже не мог, а только слабо скулил, словно покалеченная собака.

Когда четырехрукий ввалился в разделочную, подвешенный разлепил пересохшие губы и прошептал:

– Убей меня. Пожалуйста...

– Всею свое время, – недовольно проскрипел мутант.

– Прошу, смилуйся... Ты же тоже когда-то был человеком... – не унимался калека.

– Это было давно, – бросил мутант. После чего швырнул на пол троих из нас – куда мы связанные денемся? А вот облеванного перехватил поудобнее и потащил его в угол, к длинному бревну, выдолбленному посредине так, что получилось нечто вроде узкой лодки. Правда, на полпути остановился, обернулся и сказал: – Вздумаете попробовать убежать – будете висеть как он, подвешенные за ребро. Те, кто хорошо себя ведет, умирают быстро.

После чего тут же подтвердил свои слова. Снял со стены длиннющий нож-свинокол, переделанный под мясницкие нужды из штыка от винтовки СВТ-38, подтащил сталкера к колоде и одним мощным движением перерезал тому горло. Едва голову не отсек.

Горячая кровь потоком хлынула в колоду. Мутант наклонился, понюхал ее, поморщился.

– И зачем же вы, хомо, столько водки жрете? – проскрипел он. – Только кровь себе портите.

«И правда, самое время поразмышлять о здоровом образе жизни» – подумал я.

Бежать и вправду было бесполезно. Я уже успел убедиться в том, насколько быстро умеет двигаться эта четырехрукая тварь. Догонит в два прыжка, а потом виси на крюке и жди, когда ж к тебе придет освобождение от мучений в лице Сестры. Поэтому я стоял... и мысленно посылал жар «фотошоп» в свои руки. Представлял, как огонь, бьющий изнутри меня, пережигает кожаные ремни, стянувшие мои запястья...

Между тем четырехрукий, слив кровь, сноровисто разделал облеванного. Сорвал одежду, вскрыл брюхо, вытряхнул внутренности в большое ведро, срезал с костей то, что заказали «монументовцы», а остальное подвесил на свободный крюк.

И, схватив за шиворот второго сталкера, поволок его к колоде.

Тот уже не дергался и не орал. Ступор напал от увиденного. И когда четырехрукий подвел ему под шею нож, парень зажмурился и сам запрокинул голову назад, подставляя горло. Захотел, чтоб быстрее все закончилось. Смирился.

Четырехрукий одобрительно хмыкнул, резанул от души – и на этот раз перестарался. Отрезанная голова осталась у него в руке, а обезглавленное тело поползло вниз. Правда, мутант не растерялся и, подхватив труп оставшимися тремя руками, наклонил его над колодой, словно жуткую чашу, из которой густым, пульсирующим потоком выливалась кровь...

Я прям кожей чувствовал пламя, полыхающее в моих руках. Было ощущение, что мои кисти сейчас загорятся...

Но проклятые ремни и не думали гореть! Разве что по ощущениям растянулись немного, но явно недостаточно для того, чтобы освободиться. Твою ж дивизию! Неужто «фотошоп» размягчает только живую органику? Похоже на то.

– Ну что, Снар, пора попрощаться, – сказал Тал, наблюдая за тем, как мутант потрошит второго сталкера.

– Хорош ныть, – поморщился я не столько от его слов, сколько от боли – ремни слишком глубоко врѣзались в кожу, но я все равно продолжал их растягивать. – Давай просто сдохнем, и все. Без сантиментов.

– Можно и без сантиментов, – вздохнул блондин. – Просто страшно очень. А когда говоришь, вроде легче.

– Чего страшно-то? – скривился я. – Видишь, как он работает? Чик – и ты уже в Краю вечной войны.

– Так-то оно так, – кивнул Тал. – А помирать все равно неохота.

Достал, зараза, своим нытьем! Правда, злости от этого у меня слегка прибавилось. И я тянул, тянул, тянул эти проклятые ремни...

И всё без толку.

Вдруг в коридоре послышались шаги, и следом в цеху появился новый персонаж. Тоже мутант, но на этот раз с двумя руками. Кривой, страшный, будто изломанный весь, похожий на мутировавшее дерево, искалеченное радиацией. Но двигался он тоже легко и быстро, как и четырехрукий. И в своих кривых лапках он держал чье-то маленькое тельце. Похоже, ребенка.

– Слышь, Повар, – позвал он.

– Чего? – не оборачиваясь, скрипнул четырехрукий – видать, не любил, когда отвлекали от работы.

– Я тут это... Смотри чего. По ходу, какого-то мутантского детеныша нашел. Ток странный он какой-то. Никогда таких не видел.

– Нашел или поймал? – так же через плечо бросил Повар.

– Нашел, говорю же! Наша команда сталкера-одиночку выслеживала, а тут смотрю, под кустом этот ребятинок валяется. И перегаром от него тащит хуже, чем от запойного алкаша.

– Ребятинок, говоришь? – буркнул четырехрукий. – Блин, и чего я вас каждый раз с собой на ночную охоту беру, показываю, как надо хомо ловить? Показывай, не показывай – один хрен, без меня ваша команда загонщиков всё равно ничего из себя не представляет. Только и можете, что всякую мелюзгу по лесу собирать.

– Может, хоть на тушенку сойдет? – заискивающе предположил корявый.

– Ну ладно, – смиловился Повар. – Положи его вон там, около колоды. Клиенты как раз нежного мяса просили, сейчас разделаю.

– А сколько за него заплатишь? – уже более смело поинтересовался мутант, воодушевленный тем, что добыча приглянулась Повару.

– По весу, как всегда, – уже раздраженно проскрипел четырехрукий. – Так, принес хабар и вали отсюда. Не мешай работать. Вечером приходи за деньгами, видишь, зашиваюсь.

– Всё-всё, уже ушел, – заискивающе произнес мутант, кладя связанное тельце куда скакали. И смылся, только его и видели. М-да, интересный у них тут бизнес посреди Зоны. Ресторан для мутантов – любителей человечинки. Но, по ходу, этому Повару при случае и своего брата-мутанта скормить клиентам не западло. Вон ребенка какого-то поставщик приволок, от которого и правда перегарищем тащит так, что...

Блин! Неужели?!

Связанный «ребенок» лежал ко мне спиной, но я уже знал, кто это. Только одно «дитятко» в Зоне способно нажраться так, что рядом с ним и пить не надо – можно только нюхать и закусывать.

Это, несомненно, был Фыф. Маленький мутант-шам из вселенной Кремля, который счастливо воссоединился в чернобыльской Зоне со своей любимой, киборгом Настей, после чего они влюбленной парой свалили в закат. Больше я их после этого не видел и не слышал о них, надеясь, что хоть они нашли в Зоне свое счастье...

И вот сейчас Фыф валялся возле кровавой колоды в глубочайшем алкогольном отрубе. Слабость у него такая, бухать любит. И, по ходу, через эту его слабость его сейчас сожрут вместе со мной за милую душу.

Четырехрукий же, разделав второго сталкера, подошел к Талу. Скользнул взглядом по тельцу Фыфа, скривился, проскрипел:

– Чего этот недокормыш в Зоне делает?

Подумал немного – и, решив видимо, что сначала основные блюда, а мягкий десерт-сюрприз потом, ухватил Тала за волосы и потащил к колоде.

«Фыф! – послал я мысленный сигнал. – Фыф, твою мать! Просыпайся!»

Как и любой шам-телепат, Фыф умел общаться ментально. Но сейчас, похоже, достучаться до его мозга, отравленного алкоголем, было нереально. Шам бессовестно дрых, даже тихонько похрапывал во сне.

«Фыф!!!»

Если б я мог мысленно орать, то от моего вопля у меня б самого уши заложило. Причем я был уверен, что, ментально общаясь с Лютым, неслабо так натренировался посылать и принимать эти беззвучные сигналы.

Но тут – не прокатило. Шам только вздрогнул во сне, пробормотал что-то, похожее на «Настя, мусь-мусь...», и снова захрапел.

Четырехрукий же тем временем невозмутимо подвел нож под горло Тала. Обычная работа, привычная, как у тех, кто на бойне коров режет.

И тут я не выдержал. Была не была, всё равно помирать!

Я рванулся с места, подбежал к Фыфу и со всей дури отвесил ему пинка под зад.

Безвольное тело шама взвилось в воздух, словно футбольный мяч, пронеслось через весь цех и полетело... прямо в рожу Повара. Который от неожиданности выпустил нож из руки, но среагировать успел. Вот бы кому вратарем работать в нашей сборной! Ни одного мяча в ворота б не пролетело.

Фыфа четырехрукий тоже поймал. Три свободными лапами. Схватил, глянул – и уронил прямо в колоду. Невыразительные, рыбы глаза мутанта внезапно побелели. Полагаю, что от ужаса. Оттого, что осознал, кого ему приволок загонщик.

А Фыф наконец проснулся. Изловчился – и, хоть и покачнувшись, поднялся на ноги. После чего громко икнул и сказал:

– Т-твою ж мать, где это я? И чего у меня так задница болит? А это самое... связал меня кто? Ты?

Шам осматривался по сторонам, тремя осоловелыми глазами оценивая обстановку. Цех, трупы на крюках, сам он стоит в колоде чуть не по колено в крови...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.